

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

ЧАСТЬ IX

ЗВЁЗДНАЯ КРОВЬ

ИЗТОЙ

Звёздная Кровь. Изгой

Алексей Елисеев

Звёздная Кровь. Изгой IX

«Автор»

2025

Елисеев А.

Звёздная Кровь. Изгой IX / А. Елисеев — «Автор»,
2025 — (Звёздная Кровь. Изгой)

Единство – это суровое и жестокое место, которое тебе сразу напомнит о своей сути, если начнешь о ней забывать. Из-за последствий аварийного выхода из холодной гибернации, большая часть воспоминаний о прошлой жизни утрачена, но я узнал, что и здесь живут люди... И не только люди, не вполне люди и совсем не люди. Это я для них пришелец. Друзья меня называют Киром из Небесных Людей. Для врагов у меня есть другое имя – Кровавый Генерал. Большинство первостепенных задач решено. Пришло время наладить быт и основать форпост для наших соотечественников и колонистов с “Хельги”, чтобы уже наконец относительно нормально зажить, но Единство, а может судьба, снова ставит меня перед непростым выбором.

© Елисеев А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

391.	5
392.	9
393.	12
394.	15
395.	18
396.	21
397.	24
398.	27
399.	30
400.	33
401.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Елисеев

Звёздная Кровь. Изгой IX

391.

Ветер, беспечный и вечно пьяный певец Кровавой Пустоши, замолк так же внезапно, как и налетел. Пыль, взбитая в густую взвесь нашим неистовым боем и гусеницами паромобилей, теперь с погребальной торжественностью оседала, покрывая броню, доспехи и остывающее тело Кесса тонким серым саваном. Тишина, пришедшая на смену лязгу и грохоту, давила на уши, вязкая и гулкая. Небо над нами висело, как грязная, застиранная тряпка, пропитанная лиловыми и свинцовыми разводами, а горячий воздух искажал далёкие скалы дрожать и плыть, словно в тяжёлом сне. Смрад поля боя — густой коктейль из запаха пороха, свежей крови и содержимого внутренностей — смешался в единое целое, от которого першило в горле. Руны на обломках зирдинового меча ван дер Баса всё ещё испускали тусклое, умирающее свечение.

Конечно, передо мной стояла не Светлана. Мой отравленный горем разум, просто сыграл со мной очередную злую шутку, в отчаянии ухватившись за призрачную соломинку надежды. Когда блондинка подняла голову, мир на одно сладкое, невыносимое мгновение замер, а потом с грохотом рухнул снова, погребая меня под своими обломками. Похожа, да. До боли в груди похожа. Тот же хрупкий девичий стан, те же светлые волосы, сейчас, правда, спутанные и перепачканные пылью. Но не она. Я вглядывался, и каждая новая деталь бередила память. У этой — крохотная, кокетливая родинка над верхней губой. Губы чуть полнее, чувственнее. И взгляд... В её бездонных чёрных глазах плескался чистый, незамутнённый первобытный ужас. По точёным скулам и впалым щекам стекали крупные, как бриллианты, слёзы, оставляя на пыльной коже грязные дорожки. У моей Светланы глаза были голубыми, как весенний лёд под первым лучом солнца, и в них всегда, даже в самые тёмные, беспросветные моменты, полыхало пламя непокорства. А эта девушка была сломлена. Моя Светка боролась бы до последнего вздоха.

И хоть это была не она, я, что называется, впал в прострацию. Горечь затопила меня мутной, холодной волной, и я застыл, глядя в пустоту, снова переживая тот проклятый день, когда собственными руками засыпал её могилу тяжёлой, влажной землёй. Потому и не заметил, как один из дружинников, тот самый, что до последнего держал цепь, качнулся в мою сторону. Он двигался плавно, почти незаметно, змеиным жестом его рука скользнула за пояс, вытаскивая короткий и узкий стилет. Тусклое лезвие недобро блеснуло в лиловом свете.

Сухой, почти на грани слышимости хлопок. Дружинник дёрнулся, словно его ударило током, на его лбу расцвёл алый аккуратный цветок входного отверстия. Песок за ним забрызгало неаппетитным содержимым черепа. Воин беззвучно рухнул лицом в пыль. Чор не промахнулся. Он стоял у паромобилия, гаусс-карабин уже прижат прикладом к плечу, а сам он был невозмутим, как древняя скала. Соболь среагировал мгновенно. Он выхватил свой револьвер и пальнул в воздух. Грохот эхом прокатился по ложбине, заставив камни дрожать.

— Кто дёрнется — отправится на встречу с Кеесом в Вечность! — рявкнул он, и его капитанский рык, привыкший перекрикивать шторм и вой ветра, заставил оставшихся дружинников сжаться и ссутулиться, словно из них вынули становой хребет. — Желающие есть?!

Его слова подкрепила короткая, злая пулемётная очередь. Крупнокалиберные пули, выпущенные Шаном Гриви с турели «Камнежука», с воем пронесли над головами. Это окончательно убедило воинов ван дер Баса в тщете дальнейшего сопротивления. Желающих не оказалось. Они побросали оружие, медленно поднимая руки.

Лишь спустя несколько долгих мгновений закричала спасённая блондинка. Её крик был тонким и пронзительным, полным такого отчаяния, что, казалось, само небо могло треснуть.

— А-а-а-а! Не стреляйте!

Я очнулся от своего ступора и, повинаясь инстинкту, крепко взял её за плечи, пытаюсь привести в чувство.

— Эй! Всё в порядке! Ты свободна!

— Прекрати так трепать девочку, — раздался за моей спиной голос Ами.

Её голос был холодным. Она говорила таким тоном, от которого могла бы пожухнуть трава, если бы она здесь росла. Ам'Нир'Юн по своему обыкновению говорила ровно, но каждое слово било точно в цель.

— Твои Атрибуты Восходящего позволяют тебе соображать и обрабатывать информацию в десятки раз быстрее, чем обычному человеку. Она ещё не поняла, что бой окончен. А ты не ори!

Последняя фраза была обращена к блондинке в синем комбинезоне. Естественно спасённая ни слова не поняла из-за языкового барьера. Не спеша, с хищной, текучей грацией прирождённой воительницы, степнячка подошла и встала перед бедняжкой. Девушка с ужасом смотрела на нечеловеческие черты и не могла поверить своим глазам.

— Это... Это кто? — прошептала она, и голос её дрожал, как осенний лист на ветру.

— Мы друзья, — попытался я успокоить её и выдавил из себя улыбку. — Ты свободна.

Улыбка была чудовищной ошибкой. Я иногда забывал, что Навык «Чёрная Кость» окрасил мои зубы в тёмный цвет, придав им недобрый металлический отблеск. Так что моя попытка дружелюбия произвела прямо противоположный эффект. Блондинка отшатнулась, и её ужас только усилился.

— Давай я помогу снять ошейник... — я потянулся к её шее, где на фоне бледной кожи тускло блестел металлический обруч.

— Не трогай меня! — взвизгнула она, шарахнувшись назад и выставив перед собой руки, словно пытаюсь защититься от неминуемого удара.

Сделала шаг спиной, запнулась, упала.

— Ладно, ладно... — я показал ей пустые ладони, делая шаг назад.

Внутри всё сжалось от острого чувства беспомощности. Я мог сразить серебряного Восходящего, одного из сильнейших воинов этого Октагона Единства, но не мог успокоить одну напуганную до смерти девушку.

— Хорошо, хорошо... Ты босс. Только не надо нас бояться. Мы здесь твои единственные друзья.

Она смотрела на меня, потом на Ами, на Чора, на Соболя, который уже командовал дигам, чтобы те вязали пленных. В её глазах плескался безбрежный океан страха. Она лежала в капсулу гибернации в сытом и благополучном мире, а проснувшись, оказалась совсем одна посреди выжженной пустоши, в окружении вооружённых до зубов существ, одно из которых только что убило другое в поединке. Одним словом, понять её было можно.

Я почувствовал, как со дна души поднимается раздражение. Я, Кровавый Генерал, человек, чьё имя заставляло подниматься в безнадежную атаку легионеров, кто не дрогнул перед ордой ургов, стоял в полной растерянности перед одной напуганной блондинкой. Моя беспомощность злила. Злила до скрежета зубов, потому что времени на эту возню, на эти бабские слёзы и страхи у нас не было. Категорически.

Наш истинный путь лежал не сюда. Нам необходимо двигаться к Игг-Древу Джакоранда, в самое сердце Расколотых Земель. Туда, где ждал своего часа крохотный, но полный немыслимой силы росток великого Игг-Древа. Генератор А-точки нужно было доставить именно туда и поместить в саркофаг. Саркофаг, которого ещё не существовало в природе. Его предстояло построить, вгрызться в скальную породу, укрыть от вражеских глаз и цепких, жадных рук. На том месте, что мы с Алексеем выбрали, сейчас не было ничего. Пустота. И на одно ледяное мгновение в душу закрался змей сомнения, а правильно ли мы выбрали место? Что,

если эта ненасытная пустыня поглотит все наши труды? Что, если Игг-Древо не приживётся в этой мёртвой земле? Что я вообще знаю про эти удивительные растения? Да ничего...

Но сомнения — это роскошь. Генератор был ключом к будущему. Он должен был дать живительную энергию будущему поселению, питать производство и скромные нужды нашего первого форпоста, дать нам свет и тепло. Обеспечить будущее для остатков Небесных Людей. Это была великая, сияющая цель, мой единственный маяк в беспросветном тумане.

А вместо этого мы торчали здесь. Вместо того чтобы мчаться под всеми парусами на нашем «Золотом Дрейке» туда, куда звал нас долг, нам придётся сделать крюк. Наведаться в замок Благородного Дома ван дер Бас. Проверить слова покойного Кееса. Если пленные легионеры не были плодом его предсмертной фантазии... Если хотя бы один из моих старых бойцов, гниёт сейчас в их казематах, я не мог просто улететь.

А тут ещё эта блондинка! Свалившаяся с неба проблема в синем, перепачканном комбинезоне. Она была живым, дышащим воплощением этой проклятой задержки, этого хаоса, сбивавшего нас с единственно верного курса. Раздражение вспыхнуло с новой, удушающей силой. Я мог расколоть зирдиновый щит Восходящего, но не мог подобрать слов, чтобы успокоить её. Какая ирония!

— Кир, — голос Соболя, практичный и тяжёлый, как якорная цепь, вырвал меня из вязких раздумий. — Что будем с ней делать? И с этими?

Он кивнул на связанных дружинников, сидевших на песке жалкой кучкой и угрюмо созерцавших пыль у своих ног.

— Пленных — на «Дрейк». Допросим. Может, вытрясем из них что-нибудь полезное про замок их хозяина, — ответил я, стараясь, чтобы голос мой звучал ровно и бесстрастно. — А с ней...

Ами тем временем подошла к девушке, которая всё ещё жалась к земле, как подстреленная птица, и присела перед ней на корточки. Её движения были плавными, выверенными, в них не было и тени сочувствия, но не было и угрозы. Чистый прагматизм.

— Как есть твой имя? — спросила она на ломаном, но вполне понятном глобише. Голос её был ровным, лишённым всякой мелодичности. — Я есть Ам'Нир'Юн. А твой?

Девушка подняла на Ам'Нир'Юн свои заплаканные глаза, и в их тёмной, бездонной глубине всё ещё плескался первобытный, животный ужас, смешанный с крупницей недоверия.

— Ли-на... — прошептала она недоверчиво.

— Ли На, — повторила Ами, словно пробуя имя на вкус, как редкое, незнакомое вино.

В её голосе не было ни капли тепла, ни грана сочувствия, лишь холодная, отстранённая констатация факта.

— Мы не причинять вреда твоя. Понимать, Ли На? Мы забираем твоя на тот красивая корабль с собой. Ты полететь на наш корабль с наша. Там есть еда, вода и добрый доктор. Понимать моя?

Слова были корявыми, рублеными, но в них содержалась простая, ясная логика, единственное, что мог сейчас воспринять её истерзанный разум. Лина судорожно кивнула.

— Грузимся! — скомандовал я, и мой голос прозвучал в оглохшем пространстве резко как выстрел.

Мы двинулись к паромобилиям, и это движение, это возвращение к привычной рутине — погрузке, проверке, отъезду — немного привело меня в чувство. Я отделился от группы и подошёл к капсуле. Искорёженный, дымящийся кусок металла, причина всей этой суеты. Соблазн поднять её на борт «Золотого Дрейка» прямо сейчас был велик. Пласталь и любые технологии из неё были бы нам ой как нужны. Но время поджимало. Замок ван дер Басов ждал. И лучше всего было свалиться им как снег на голову, чтобы они не успели даже подумать о том, чтобы выстраивать оборону или, что хуже, замести следы своих преступлений.

И снова мы лезем в самую пасть к зверю, отложив главную цель. Моё недавнее раздражение улеглось, утонуло, сменившись тяжёлой, свинцовой решимостью. Сначала — свои. Потом — будущее. Даже если этот путь ведёт через самую Преисподнюю, даже если ради спасения одного легионера придётся раскатать это родовое гнездо на щебень — мы своих не бросаем. И пусть весь мир горит синим пламенем. Это была единственная истина, не требовавшая доказательств.

392.

Когда я поднялся по трапу на борт, мне предстала картина, достойная кисти художника. «Золотой Дрейк» превратился в подобие Ноева ковчега, только вместо каждой твари по паре здесь почти каждый был сам по себе. Вокруг царила суета из людей, не людей и дымящихся паровых машин. Над хаосом властвовал Локи, выкрикивая команды и направляя активность членов экипажа. Справлялся он со своей задачей виртуозно. Вроде бы и был для нас этот странный колонист не сказать, чтобы своим, но в коллектив влился чуть больше чем идеально и место своё нашёл почти сразу. Но внимание моё привлекала не его деятельность, а то как Лис пыталась пообщаться с Линой.

— Ещё орать будем?

Вопрос, заданный на предельно чётком глобише, прозвучал как щелчок кнута. Это была Лис. Она стояла над съёжившейся на палубе Линой, и вся её поза, от скрещённых на груди рук до чуть наклонённой головы, выражала холодное, профессиональное терпение хирурга перед началом сложной операции. Лина, похожая на сломанную фарфоровую куклу, лишь судорожно покачала головой, не смея раскрыть рта.

— Замечательно, — кивнула Лис, и в её голосе не было ни тени похвалы, лишь сухая констатация факта. — Я — капрал космической пехоты и штатный ксенобиолог, А-Крейсер «Эгир», шестьдесят первая отдельная бригада космической пехоты, Титан, вооружённые силы Российской Федерации. Ты не на Земле. Ты в безопасности. Можешь задать вопросы. Кивни, если поняла.

Эта отчеканенная, уставная речь, произнесённая посреди хаоса, среди связанных пленных и инопланетных наёмников, была до того абсурдна, что на миг показалась мне единственным островком здравого смысла в этом бедламе. Лина, уставившись на Лис снизу вверх, снова кивнула.

— Ну вот и умница, — позволила себе толику человечности Лис, — а то я уже думала, что ты в разуме повредила...

Тем временем несколько крепких членов команды разместили связанных дружинников в центре палубы, согнав их в одну мрачную, угрюмую кучу. Другие занимались погрузкой паромобилей, втискивая их на палубу с таким усердием, будто пытались засунуть слона в спичечный коробок. Наш и без того небольшой «Дрейк» вмиг стал совсем тесным.

Соболь и Ам'Нир'Юн, не теряя ни секунды, приступили к экспрессдопросам. От кочевницы, с её нечеловеческой пронизательностью и знанием тёмных струн местной души, пользы было явно в разы больше, чем от прямолинейного и конкретного Соболя. И первое, что они совместными усилиями выяснили, подтвердило мои худшие опасения. Слова Кесса не были предсмертным бредом. Мои легионеры действительно попали в казематы его родового замка.

— Ч-ч-что происходит? — спросила блондинка дрожащим, как натянутая струна, голосом, указывая тонким пальцем на рабочую суету, царившую на борту.

— Успокойся, — сказал я, подходя ближе, — теперь ты в безопасности. Вот эти...

Я кивнул на дружинников, которые под бдительным присмотром моих бойцов уже не выглядели так угрожающе.

— ...Они были с местным феодалом, который решил, что ты его собственность, и решил сделать тебя трэлем.

— Трэлем? — она непонимающе наморщила лоб.

— Рабыней, если по-нашему.

Колонистка непонимающе на меня уставилась, её разум, явно отказываясь принять эту дикую, средневековую реальность, как данность. Она, однако, кивнула, пусть и очень неуверенно.

— На, перекуси... Сейчас эфоко скажу, чтобы тебе сделали.

Я достал из криптора стандартную герметичную упаковку с твердокаменной пластиной флотского рациона внутри. Лина вцепилась в неё обеими руками, словно утопающий в спасательный круг, и просто держала какое-то время, глядя на неё как на чудо. Затем она начала лихорадочно пытаться её распаковать, но непослушные, дрожащие пальцы никак не могли справиться с прочной плёнкой. Тем временем я приоткрыл дверь на камбуз, откуда немедленно дохнуло жаром и запахом чего-то горелого, привлёк внимание нашего кока и попросил у него кружку эфоко покрепче для спасённой.

Когда через две минуты в проёме появился наш кок, я понял, что зря не принёс эфоко сам. Наш шаркающий лохмач-кок, существо, покрытое свалывшейся шерстью, и вид имел донельзя живописный. Он протянул Лине дымящуюся кружку. И тут хрупкая плотина её рассудка рухнула. Сначала Лина залилась диким, истерическим, пузырящимся смехом, который тут же перешёл в отчаянные, захлёбывающиеся рыдания. Она выронила так и не вскрытую упаковку с брикетом сухого пайка, упала на колени, и её вывернуло потоком серой, вязкой слизи.

Лис брезгливо скривилась, но тут же опустилась рядом и участливо, почти нежно погладила блондинку по спине. Ту трясло, как в лихорадке, но во взгляде, полном слёз, через несколько минут истерики наконец-то появилась тень осмысленности.

— Я Лис, — ещё раз представилась она мягко, — а это Кир. Ты помнишь, как тебя зовут? Ты представилась, как Лина. Какое твоё полное имя?

Колонистка явно приготовилась ответить, но снова округлила глаза, прижала ладони ко рту и лишь медленно, отчаянно покачала головой из стороны в сторону.

— Всё нормально, — подбодрила её Алиса, — всё хорошо. Это нормальная реакция при экстренном выходе из анабиоза. Твой мозг ещё не до конца проснулся.

— Память вернётся к тебе, — попыталась успокоить девушку наш ксенобиолог, и голос её обрёл почти материнские, обволакивающие нотки, — это всё временно. Последствия холодной гибернции.

«Или не вернётся», — с холодным цинизмом добавил я про себя, но благоразумно не стал облекать эту мысль в слова. Незачем было добивать и без того сломленного человека.

— На вот, — я принял дымящуюся кружку с эфоко у кока и протянул её Лине, — это тонизирующий напиток.

Девушка сделала маленький, почти птичий глоточек, и на её измученном лице отразилось нечто вроде благодарности. Она кивнула. В этот момент ко мне подошёл Чор Комач и молча протянул серый, потёртый кейс. Ах, бедняга, совсем забыла забрать его из капсулы. За спиной у маленького зоргха, словно у Деда Мороза из старых, ещё земных сказок, топорщился объёмистый мешок. Хозяйственный Чор не побрезговал прихватить с собой всё, что плохо лежало. И правильно сделал. В нашем положении всё пойдёт в ход. И пласталь с редкоземельными металлами криокапсулы, и полиэфирные ткани парашюта.

Лина, сделав ещё пару глотков, слегка успокоилась, её дыхание стало ровнее.

— Ч-что это были за... люди? Которые хотели взять меня в рабство.

— Не переживай, — улыбнулась Лис в ответ ей, как маленькому, неразумному ребёнку, — это местный феодал и его дружинники. Они больше не проблема. Кир убил патриарха их Благородного Дома на особом поединке, называемом Фионтар. С ними проблем больше не будет.

— На тебе синий комбинезон, — решил я вступить в диалог, пытаясь направить её мысли в конструктивное русло. — Это значит, что в проекте «Космо» ты была специалистом. Помнишь, что это за специальность?

Лина снова отрицательно покачала головой, её взгляд потускнел.

— Что такое «Космо»? — спросила она.

— Проект повторной колонизации Земли. Проект, рассчитанный на случай, если противника не удастся остановить с помощью Барьера и на Земле произойдет асур-катастрофа планетарного масштаба. Ты с громадного колонизационного ковчега «Хельга». Вашей задачей была реколонизация и восстановление цивилизации на Земле. Отбор проходили миллионы добровольцев-колонистов. Ты одна из них, — пояснила Лис. — Ты сама не помнишь?

— Нет... — она снова взгрустнула, но, вспомнив про кружку в руках, сделала ещё глоток, а после задала следующий, самый главный вопрос. — Вы сказали, что мы не на Земле. Если не на Земле, то... Где?

Устроившийся на фальшборте Чор, который с явным наслаждением набивал свою любимую трубочку дымтравой, громко хмыкнул.

— Как у вас, Небесных Людей, всё непросто! — заметил зоргх, выпуская в воздух колечко сизого дыма.

— Мы в Единстве, — взяла на себя роль просветителя Лис. — Это не планета, а Сфера Дайсона... — она указала рукой на висящий в самом зените исполинский, невыразимо прекрасный и пугающий Трон Вечности. — Знаешь, что такое Сфера Дайсона?

393.

Лина пожала плечами и неуверенно кивнула, хотя по её лицу было видно, что это понятие было для неё столь же абстрактно, как и всё происходящее.

— Хорошо, — кивнула Лис. — В центре Единства — чёрная дыра, ты видишь её тёмный абрис на фоне звёзд, а мы находимся в разрушенном Круге Жизни Джакоранда.

— В круге? Что такое круг?

— На все вопросы ответим. Мы познакомим тебя с Локи, — утвердительно кивнула Лис. — Тебе для начала необходимо прийти в себя. Кир, посмотри в крипторе. Там есть вокс?

Я провёл необходимые манипуляции, и через минуту Лина привычным, инстинктивным движением прикрепила крохотную монету устройства себе за ухо.

— Подключись к корабельному ретранслятору. Получилось? Отлично... Сейчас я скину тебе необходимые файлы. В них всё, что мы узнали про Единство. Прочитай их, пока будешь приходить в себя и отдыхать в каюте.

Пока Локи уводил всё ещё ошеломлённую Лину вглубь корабля, мы втроем — я, Лис и Чор — сгрудились вокруг серого кейса из армированного полипласта. На крышке тускло белела надпись: «Набор Колониста, тип 2». Ниже шёл длинный, напечатанный мелким шрифтом список того, что туда входило. Я притронулся к замку, открывая пространственное хранилище. Расширенный вариант на шестнадцать ячеек, грузоподъёмность — восемьсот кило, общий объём хранения — 1,44 кубометра. Часть слотов уже была заполнена стандартным аварийным набором.

Я начал по одному вынимать предметы, раскладывая их прямо на палубе. Лис больше всего заинтересовал аварийно-спасательный набор, заключённый в лёгкий металлический контейнер. Большую его часть занимала экспресс-аптечка и три стандартных медпакета к ней. Сквозь прозрачный блистер просвечивали знакомые очертания: сканер-диагност, вибрационный скальпель, инъектор и обоймы картриджей с разноцветными наклейками на торцах. Память услужливо подсказала их назначение: зелёный — регенератор, алый — кровоостанавливающий спрей, синий — универсальный антидот, жёлтый — стимулятор на основе адреналина. И полным-полно всякой мелочи — перевязочные средства, жгуты, таблетки в пластиковых блистерах. Наш ксенобиолог, окинув всё это богатство хозяйским взглядом, тут же заявила, что всё это необходимо запаковать в Руны мусорного качества для удобства хранения и использования. Оставалось только согласиться с ней.

Чор тем временем с большим интересом и явно плотоядным выражением на морде перебирал запасы провизии. По его хитрому взгляду я понял, что и все земные продукты мне также предстоит превратить в Руны.

Я же обратил внимание на несколько плоских коробок с красивыми голографическими наклейками и ворохом инструкций. Внутри — тщательно запаянные в пластик прямоугольные пластины, похожие на большие информ-накопители. Схемы для Репликаторов. Очень ценная штука, хранящая полный трёхмерный конструктив какого-либо предмета с записанным до последней молекулы циклом его репликации. Всё промышленное производство основано на таких Схемах, их были сотни тысяч — одноразовых, многоразовых и даже бесконечных, для самых разных вещей, от простого гвоздя до боевого звездолёта. Так как бытовые Репликаторы были распространены повсеместно, именно Схемы являлись основным объектом авторского права, торговли и яростной конкуренции корпораций. И сейчас у нас в руках было одно из таких сокровищ.

Лине достались Схемы, и не абы какие, а со штурмовой винтовкой типа «Суворов». В туманный, известный нам по урокам истории период Утопии, когда человечество ещё свято веровало в собственное величие, «Суворов» и его бесчисленные модификации стали самым

распространённым стрелковым оружием в мире. Подобно тому, как имена великих полководцев становятся легендами, так и это название, благодаря массовому выпуску и дьявольской популярности, вскоре стало именем нарицательным, обозначающим эти автоматы.

Простейшая, как мысль легионера, конструкция, изобретённая ещё на заре Утопии, почти не изменилась за двести лет. Не винтовка, а скорее железная, неоспоримая истина в руках. Она отличалась высокой меткостью, очень неплохой кучностью стрельбы и небольшим весом. Дешёвая в производстве, до смешного неприхотливая, надёжная как смерть, она выдерживала любые условия эксплуатации — удары, попадание воды, грязи, пыли. «Суворов» долгое время сохранял работоспособность даже при полном отсутствии ухода и не требовал для ремонта рук инженера — его мог перебрать любой вчерашний крестьянин. Это было одно из немногих произведений человеческого гения, способных функционировать даже под интенсивным А-излучением.

В виде питания «Суворов» использовал спаренные рожки с унитарными патронами, ёмкостью тридцать штук каждый. Комплектовался штык-ножом, имел складываемый приклад и три режима ведения огня — одиночными, с отсечкой на три патрона и автоматический, способный превратить в решето всё живое. Дальность прицельной стрельбы была вполне приемлемой. Конструкция также позволяла модифицировать оружие с помощью прицельных приспособлений и дополнительного обвеса, превращая его из простого инструмента убийства в произведение тактического искусства.

Неудивительно, что «Суворов» и боепитание к нему, как часть арсенала Звёздного Флота, вошли в комплектацию индивидуального набора колониста.

И вот это сокровище, рассчитанное на десять тысяч циклов репликации, лежало передо мной. Десять тысяч раз можно было сотворить из материалов и энергии это чудо инженерной мысли. Что и понятно — бесконечный вариант являлся главным сокровищем оружейных магнатов. Но даже так, в том, прошлом, мире эти пластины стоили бы кучу денег, целое состояние... Здесь и сейчас они были бесполезны, как молитва атеиста. Нужен был Репликатор и длинный список ресурсов для производства. Зачем их положили в криптор Лины? В качестве злой шутки? Или последней, отчаянной надежды?

Я отложил Схемы и покрутил в руках пистолет «Дефендер». Защитник. Никаких изысков, никакой грации, простой и надёжный, как заступ могильщика. Достал и стреляй. Пять запасных магазинов по двадцать патронов и две картонные коробки по сотне. Рядом лежала ракетница. Боезапас — три заряда, с алой, синей и жёлтой маркировкой. Незаменимая штука, чтобы подать сигнал. Последний отчаянный призыв, брошенный в равнодушные небеса.

Наше занятие было прервано тяжёлыми шагами по трапу. Появились Соболев и Ами. Они закончили допрос.

— Мы знаем, куда нужно лететь, — с ходу рубанул Соболев, без предисловий и экивоков. — Предлагаю прокатиться до родового гнезда ван дер Басов.

Я молча кивнул, ощущая, как внутри всё собирается в один тугой, холодный узел.

— Много их там?

— На обороне пять десятков дружинников, — ответила Ам'Нир'Юн, и я увидел, как хищно трепещут её ноздри, словно вдыхая запах грядущей крови. — И ещё две сотни челяди.

Пятьдесят бойцов. Не армия, но и не горстка оборванцев. Достаточно, чтобы устроить нам тёплый приём, если мы явимся с парадного входа.

— Тогда взлетаем, — сказал я. — И идём туда под всеми парусами.

— Что будем делать с дружинниками? — задала вопрос Ами, и в её голосе послышался холодный интерес хирурга перед предстоящей операцией.

— Восходящих среди них нет. Отпустим, — пожал плечами я. — За «Золотым Дрейком» они всё равно не успеют, а значит, нашим планам никак не помешают. Таскать их за собой на борту — бессмысленная трата времени и ресурсов.

Соболь усмехнулся, и в этой усмешке было всё: и понимание моей холодной логики, и одобрение. Мы были солдатами, а не мясниками. По крайней мере, пока нас к этому не принуждали.

Раздались резкие, лишённые всякой человеческой теплоты команды. Они прорезали воздух над палубой, как удары бича. Палуба под ногами мелко задрожала, словно от озноба, и по всему корпусу пробежал низкий, вибрирующий гул. Словно крылья хищной птицы, тяжёлые стабилизаторы, пришли во взлётное положение.

Короткий, едва заметный толчок, отрывающий нас от поверхности. Корабль на мгновение замер, повиснув в нескольких метрах над выжженной землёй, словно собираясь с духом, а затем плавно, но с неумолимой мощью устремился ввысь. Место недавнего крушения и Фионтара, стремительно съживалось, превращаясь в неряшливую рану на сером теле Кровавой Пустоши. Вот уже и искорёженная капсула стала похожа на брошенную игрушку, а дружинники, собравшиеся вокруг своего Восходящего — на рассыпанные спички. Ещё несколько минут — и всё это скрылось, растворилось, ушло в небытие, как и не было.

Корабль поднимался всё выше и выше, пронзая равнодушные лиловые небеса, не обещавшие ни спасения, ни надежды. Небо было пустым, холодным и бесконечно чужим. В его бездонной глубине наш «Золотой Дрейк» казался не более чем пылинкой, влекомой ветрами.

Следующая остановка — замок ван дер Басов.

394.

Внизу, под килем нашего воздушного парусника, привольно раскинулась долина — неправдоподобный, почти наглый шрам сочной зелени на сером, словно изъеденном проказой теле Кровавой Пустоши. Река Исс, извиваясь в глубине ущелья, блестела под тусклым светом Ока Вечности, точно ртутная змея, а по её берегам, словно испуганные дети, жались друг к другу изумрудные поля и тёмные вековые рощи. Это был мир почти нормальный. Почти. Потому что всю эту обманчивую, пасторальную картину венчала цитадель, и венчала так, как венец из гвоздей венчает голову мученика. Замок «Девять Башен» короновал вершину одинокого пика, подобно гнилому клыку в челюсти мёртвого великана. Он не украшал пейзаж. Он властвовал над ним. Он доминировал. Он угнетал, демонстрируя всей долине кто здесь собирает дань.

Я стоял на капитанском мостике, вглядываясь в эти укрепления цвета янтаря. Ветер, ворвавшийся в открытую рубку, трепал расстёгнутые полы моего френча и ворот рубахи, но я его не замечал. Мой взгляд был прикован к этому каменному чудовищу. Восемьсот метров отвесной скалы. Единственная дорога, выходящая по склону узким, коварным серпантином, — идеальная позиция для стрелков, настоящий тир. Любой безумец, решившийся на штурм с земли, не прошёл бы и трети пути, прежде чем превратился бы в кровавое месиво на камнях. Крепость ван дер Басов была не просто крепостью, нет, — она была материализовавшимся параноидальным произведением гения фортификации, памятником страху и жестокости.

Но меня волновали не стены, не башни и не бойницы. Меня волновали те, кто томился за ними. Мои легионеры. Люди из отряда, носившего гордое и нелепое имя «Дохлае Единороги». В тот миг я отчётливо, до боли в висках, видел их лица. Я помнил смех рыжего весельчака Гарри, который перед атакой на ургов, выскочил на бруствер и, хохоча, тряс перед вражескими рядами своим мужским хозяйством, а после показал им голый зад. Помнил сурового, немногословного Брогана, который чистил свою револьверную винтовку с такой нежностью, с какой иной любовник ласкает свою возлюбленную. Я помнил их всех. Кого-то лучше, кого-то хуже, но всех до единого. Они все однажды доверились мне. Они шли за мной в огонь боя и на abordаж вражеских кораблей. И теперь они гнили в сырых казематах этого выроodka, этого ублюдка ван дер Баса, ожидая децимации, которую никто из них не заслужил.

Децимация. Это не просто смерть. Это было нечто худшее. Это было уничтожение духа, ритуальное попрание боевого братства, превращение воинов в запачканных кровью палачей. Я не мог этого допустить. Это был уже не вопрос тактики или стратегии. Это был вопрос чести. Вопрос того, имею ли я вообще право дышать этим воздухом, пока они там, внизу, ждут своей позорной смерти. Мой долг был там, за этими неприступными стенами. Мой кровный долг.

— Красиво, не правда ли? — тихий и мелодичный голос Ами вырвал меня из мрачного оцепенения.

Она подошла и встала рядом со мной как тень. Её тёмно-серая кожа казалась почти чёрной в резких тенях от парусов, а её чуть раскосые агатовые глаза задумчиво, без всякого выражения, смотрели на замок. В этом взгляде не было ни страха, ни ненависти, лишь древняя, вселенская печаль.

— Когда-то это место называлось иначе, — продолжила она так же тихо. — Это была резиденция Ханов Долины. Моих предков.

Я медленно повернул голову и посмотрел на степнячку. Её слова повисли в воздухе мостика, тяжёлые, как надгробные плиты. В них не было ни капли горечи, ни обиды, только сухая, бесстрастная констатация факта, словно она зачитывала страницу из древней исторической хроники.

— Что случилось? — спросил я, хотя и догадывался об ответе.

В Единстве многие истории имели похожий, кровавый конец.

— Война... — она произнесла это слово так, будто говорила о погоде или о смене времён года.

Фатальная бесстрастная неизбежность. Она равнодушно пожала плечами, и в этом простом жесте была вся философия Единства и Восхождения.

— Что же ещё случается в Единстве? Была битва с аркадонцами. Мы проиграли. Ван дер Басы получили замок через несколько поколений за какие-то заслуги. А мой народ был вытеснен отсюда, изгнан, как стая шелудивых мабланов, на Великие Соляные Равнины. Мы стали пастухами кархов. Мы приспособились к миру без света, к вечной, подползающей из Земель Тьмы, к угрозе. Мы выжили.

Она говорила о своём народе, и я видел его отражение в ней. Суровые, гордые потомки древней расы Кел, смешавшиеся с другими народами, но сохранившие в своей крови характерные черты предков. Об этом красноречиво говорили чуть заострённые уши, вытянутые, почти нечеловечески грациозные пропорции тела. Её волосы цвета воронова крыла, были собраны в одну тугую тяжёлую косу, и в самой её неподвижности, в том, как она стояла не шелохнувшись, на ветру, была сила, выкованная в безжалостных печах Соляных Равнин.

— Народ Великих Равнин... Они едины? — спросил я, хотя уже понимал всю тщетность этого вопроса в расколотом на мириады осколков Единстве.

Она снова пожала плечами, и в её голосе, когда она продолжила, зазвенели стальные, отчётливые нотки.

— Мы не единый этнос. Мы — сообщество тайпов, или кланов, как сказали бы вы. У каждого свои традиции, свои законы, свои кровные обиды. Но мы помним, кто мы. Мы потомки тех, кто отказался уйти в Вечность вместе с остальными Кел, когда мир трещал по швам. Женщины у нас славятся красотой, но ещё больше — скверным характером...

Тонкие губы тронула кривая, хищная усмешка.

— Потому что мы сами выбираем себе мужей. И ни одна дочь степей не остановит свой выбор на том, кто не достоин держать стремя её карха.

Я усмехнулся ей в ответ. Пока всё сходилось. Она тоже усмехнулась, на этот раз свободнее, но юмора в этой усмешке по-прежнему не было. Был вызов. Было предупреждение.

— Нас считают дикарями, — она обвела взглядом зелёную, мирную долину внизу, и взгляд этот был взглядом изгнанницы, смотрящей на украденный рай. — Грабителями. Говорят, что нас изгнали за то, что мы не поддержали остальных в великой войне с Червями за Игг-Древо Джакоранда. Может, и так. В степи случается всякое, и история там пишется не чернилами, а кровью. Мы встречаем враждебностью любого чужака, кто ступает на нашу землю, потому что вся земля, до последнего камня — наша. И любой бой с нами опасен. Мы знаем местность как свои пять пальцев. Мы носим доспехи из найт-кожи и хитина камнеедов. Наши клинки выкованы из зирдина и лунного камня, и они поют в бою. Наши Руны сильны.

Я слушал её и видел перед собой не просто женщину-воина. Я видел живое, дышащее свидетельство всей трагической, кровавой истории Единства. Потомка великого народа, ставшую изгоем. Выжившие, но ожесточившиеся. Народ, который не прощал слабости ни себе, ни, тем более, другим.

— История — прекрасный, хотя и жестокий учитель, Ами, — сказал я, возвращая её и себя из туманных глубин прошлого в наше не менее неопределённое настоящее. — Но сейчас мне нужен урок не истории, а архитектуры. Что ты знаешь об укреплениях этого замка?

Она вздрогнула так, словно ледяная игла вонзилась ей под лопатку. Её отсутствующий, обращённый вглубь веков взгляд мгновенно сфокусировался, вернулся из призрачных чертогов прошлого в настоящее. Он снова стал острым, как клинок кочевника, — цепким и смертельно опасным.

— Этот замок строили поколениями, — заговорила она, и в её голосе уже не было и тени былой меланхолии, лишь сухой, деловитый холод. — Девять толстых, приземистых башен, слепых и глухих, плотно прижатых друг к другу. Они почти не имеют окон, выходящих наружу. Основная её защита — это сама высота и этот дьявольский серпантин. Стены сложены из драгоценного лиора. Этот камень не расколоть. Пробить стены почти невозможно.

— Нам и не нужно их пробивать, — я поднял к лицу монокуляр, наводя его на самую высокую башню, где на ветру лениво полоскался чёрный флаг с серебряной короной. — Враг, который пытается захватить этот замок с земли, — идиот. А мы не идиоты. Они думали о полчищах, лезущих по склону, об осадных машинах, о таранных ударах. Они не думали о тех, кто приходит с неба.

Ами проследила за направлением моего взгляда. Её лицо оставалось бесстрастным, но я почувствовал, как напряглись её плечи.

— Воздушная атака с «Дрейка»? — в её голосе прозвучал не вопрос, а скорее констатация безумия. — Кир, у них наверняка есть что-то для угрозы с небес. Нас могут сбить ещё на подлёте, и мы рассыплемся по этим скалам горстью обгоревших костей.

— Не вижу пока никаких зенитных батарей, — я опустил монокуляр и повернулся к ней, глядя в её непроницаемое лицо. — А если мы подойдём не днём, а ночью? Или под прикрытием песчаной бури? Высаживаем штурмовую группу и дело в шляпе. Нам не нужна долгая осада. Нужен лишь один точный, хирургический удар. Иначе они могут убить легионеров.

Напряжение, до этого витавшее в воздухе незримым туманом, стусилось между нами, стало почти осязаемым, как заряженный статикой воздух перед грозой. Она смотрела на меня, и в её тёмных, как ночная степь, глазах я видел не только сомнение, но и тот дикий, хищный азарт воина, который просыпается перед смертельно опасной охотой. Она понимала весь риск. Понимала, что это чистейшей воды самоубийственная авантюра, балансирующая на лезвии бритвы. Но она также видела, что другого пути у нас нет.

Замок «Девять Башен» стоял перед нами, как вызов всем и каждому, как нерушимая стена между нами и нашей целью. И за этой стеной моих людей ждала позорная смерть. А значит, мы должны были стать тем тараном, который эту стену проломит.

395.

Небо над долиной Исс наливалось чернильной синевой, в которой тонули последние отблески заката. Грозовой фронт, который мы так ждали, подползал из-за горизонта, его брюхо было подсвечено далёкими, беззвучными молниями. Мы шли на «Золотом Дрейке», разрезая килем плотные, влажные облака. Корабль двигался почти бесшумно, лишь скрип такелажа да тихий шёпот ветра в парусах нарушали тишину. Внизу, замок «Девять Башен» громоздился чёрным силуэтом на фоне умирающего дня, его башни царапали облака. Идеальные условия. Враг слеп. Мы — ночные призраки. Так я думал. Обыденность подготовки к бою — проверка оружия, последние инструкции, глоток крепкого эфоко — смешивалась с мистическим предчувствием. Что-то было не так. Воздух звенел от напряжения, а тени на палубе казались гуще, чем должны были быть.

Мой план был прост, как удар топора. Добраться до замка под прикрытием бури. Высадить штурмовую группу на центральную башню. Пробраться к казематам, освободить пленных и уйти до того, как гарнизон опомнится. Рискованно. Нагло. В стиле Кровавого Генерала. Я стоял у штурвала рядом с Соболем, его широкая спина излучала уверенность. Он вёл свой корабль твёрдой рукой, его редкие команды были отрывисты и точны.

И тут это случилось. Без звука. Без вспышки. Без предупреждения.

Главная мачта, гордость «Дрейка», просто перестала существовать. Секунду назад она была здесь — могучий ствол векового дерева, обтянутый парусами, а в следующую — на её месте уже бушевал беззвучный вихрь огня и пепла. Огонь был неправильным он и возник сразу повсюду. Пепел кружился в воздухе, оседая на палубу.словно невидимый молот ударил по самой душе корабля.

— Что за... — начал было Соболев, его руки мёртвой хваткой вцепились в штурвал.

— Испепелитель! — закричала Ами. — По нам стреляют из Испепелителя!

Она стояла у борта, её силуэт был неподвижен на фоне огненного столба. Голос её прозвучал как лезвие, вонзающееся в плоть.

— Что? — переспросил я, хотя ледяной ужас уже сковал внутренности.

Я понял, что это не обычное оружие.

— Оружие Кел! — пояснила она, не оборачиваясь. — Мгновенно превращает цель в вихрь огня и пепла. Древнее, почти легендарное. Я думала, что все его образцы утрачены после изгнания нашего народа.

Мой разум, натренированный на просчёт тактики, отказался принимать эту информацию. Испепелитель. Оружие, не требующее перезарядки. Не оставляющее следов. Не дающее времени на реакцию. Кел создали его, чтобы стирать с лица Единства целые армии. И эта дьявольская машина оказалась в руках ван дер Басов. Замок защищали не просто стены. Его защищала технология, граничащая с божественной силой. План рассыпался в прах. Преимущество — внезапность — сгорело вместе с мачтой.

— Уходим! — рявкнул я Соболю. — Разворачивай! Набирай высоту! Скроемся над тучами!

Соболев резко крутанул штурвал, заставляя корабль завалиться на бок. «Дрейк» застонал протестуя. Но я уже понимал, что слишком поздно. Мы раскрыты и уже на прицеле.

Второй удар. Безмолвный. Точный.

Огонь родился прямо на палубе, в центре корабля, между штурвалом и трюмным люком. Он не распространился. Он просто появился. Пламя сожрало доски, превращая их в пепел за доли секунды. Два члена экипажа, стоявшие ближе всего к эпицентру, даже не успели вскрикнуть. Они просто превратились в обугленные статуи, которые тут же рассыпались, подхвачен-

ные ветром. Третий, стоявший чуть поодаль, загорелся наполовину. Он, сгорая заживо, рухнул на колени, пытался закричать. Из обожжённых лёгких вырвался лишь клуб чёрного дыма.

— Гасите! Живо! — орал Соболев, пытаясь перекричать рёв пламени, которое, в отличие от первого удара, теперь было настоящим, пожирающим остатки корабля.

Но корабль его уже не слушал. Были повреждены рулевые тяги. «Золотой Дрейк» потерял управление. Он начал заваливаться на правый борт, медленно, неотвратно входя в смертельный штопор. Чёрный дым от пожара валил в небо, яркий словно сигнальное пламя пожара озаряло всё вокруг, выдавая наше положение.

Мы повисли над пропастью, беспомощные, подставленные под удар. Я посмотрел на замок. Он молчал. Он ждал. Третий выстрел станет последним.

Секунды растянулись в липкую вечность, наполненную протяжным воем пламени и тем сладковато-тошнотворным смрадом горелой плоти, от которого сводило челюсти и к горлу подкатывала желчь. Мир обратился в дьявольский балаган, в адскую карусель из огня, удушливого чёрного дыма и бессловесного отчаяния. «Дрейк» стонал, содрогался всем своим истерзанным телом, давал чудовищный крен, и палуба уходила из-под ног, превращаясь в крутой, скользкий откос, ведущий напрямик в никуда. А там, внизу, в трёх километрах пустоты, нас ждали каменные клыки скал, готовые с жадностью впитаться в нашу плоть.

Я отбросил оцепенение, эту первую, парализующую волну ужаса. Страх — непозволительная роскошь для командира, когда корабль и люди превращаются в пепел. Я рванулся к раненому, что не сгорел дотла в первые мгновения. Он лежал, скрючившись у самого основания того, что ещё недавно было грот-мачтой, а теперь превратилось в обугленный, дымящийся обрубок. Его кожа и одежда сплывались в единую чёрную, потрескавшуюся корку, как пересохла земля в засуху, но он ещё дышал. Хрипло, с отвратительным бульканьем, захлёбываясь собственной кровью и гарью.

Я рухнул рядом с ним на колени. Схватил его за плечо, ощущая сквозь перчатку, как липкая, обугленная плоть отделяется от костей и остаётся на моей ладони. В груди моей в тот же миг вскипела слепая, холодная ярость. И ярость эта была направлена не на ван дер Басов, не на их невиданное оружие. Она была направлена на самого себя. На то, что я попался в эту примитивную, наглую ловушку. Я должен был предвидеть. Должен был знать, что они не будут сидеть сложа руки. Но сейчас нужно было не самобичевание.

— Держись, боец.

Серебряная Руна Исцеления в моей Скрижали вспыхнула холодным, мертвенным светом. Я влил в умирающее, содрогающееся тело поток своей Звёздной Крови, заставляя его клетки регенерировать с противоестественной, насильственной скоростью. Процесс был мучительным. Для него. Тело дёргалось в безобразных, пляшущих судорогах, из горла вырывался не стон даже, а сдавленный, булькающий хрип, похожий на предсмертный крик раненого животного. Мои руки дрожали, но не от усталости, а от бессильной ярости, от ненависти к собственной глупости.

Пока Руна вершила своё противоестественное дело, мой разум, ускоренный дарами Восхождения, работал с холодной, бесчеловечной скоростью, просчитывая варианты. Они проносились в голове не картинками, но сухими, отточенными формулами, и каждая из них вела к катастрофе.

Первый вариант. Остаться на корабле. Помогать Соболеву и Лис тушить пожар, стабилизировать эту развалину, спасать экипаж. Это был правильный поступок капитана. Это был долг. И это означало, что ван дер Басы получают драгоценное, бесценное время. Они поднимут по тревоге весь гарнизон, они укрепят оборону, они превратят свою цитадель в несокрушимый бастион. И они казнят моих легионеров. Просто, чтобы показать, кто здесь хозяин. Просто, чтобы сломать меня. Спасая корабль, я предавал тех, ради кого мы прилетели.

Был, конечно, и второй путь — путь героического безрассудства. Можно было развернуть уцелевшие орудия и всыпать по этой проклятой цитадели из всего, что могло стрелять. Это была бы красивая, ослепительная вспышка славы. Их «Испепелитель» превратил бы нас в летающий крематорий раньше, чем наши снаряды долетели бы до их стен. Я бы погубил всех. Всех до единого.

Альтернатива — бегство. Ретироваться. Увести истерзанный корабль, спасти тех, кого ещё можно было спасти. Вернуться позже, зализав раны, с новым, выверенным планом. Это был голос здравого смысла, голос выживания. И это был голос предательства. Мы потеряли бы единственный, главный наш козырь — внезапность. И легионеры были бы обречены. Их кровь будет на моих руках.

И четвёртый путь. Путь чистого, незамутнённого безумия. Оседлать Аспект. Атаковать в одиночку. Стать живой мишенью, отвлекающим манёвром, громоотводом. Принять весь их огонь на себя, дать «Дрейку» шанс уйти из-под удара. Самоубийство, да. Прыжок в пасть доменной печи. Но самоубийство, дающее шанс другим. И, может быть, призрачный, микроскопический шанс прорваться внутрь.

Не было правильного решения. Был только выбор между разными сортами катастрофы. Между предательством, массовым убийством товарищей, позором и верной, но, быть может, не напрасной смертью.

И я сделал выбор. В нём не было ни грана героизма, ни вспышки озарения. Лишь холодный, трезвый расчёт командира, вынужденного выбирать между ампутацией и гангреной. Дыхание исцелённого бойца выровнялось. Он будет жить. Мой долг перед ним был исполнен.

Я вскочил на ноги и подбежал к Соболю. Друг стоял, вцепившись побелевшими костяшками пальцев в штурвал, отчаянно пытался выровнять падающий корабль. Дым выедал глаза, жар лизал лицо.

— Я атакую замок! — прокричал я, перекрывая рёв огня и стоны рвущегося металла. — Уводи корабль из-под огня!

Соболь резко обернулся. Его лицо, перепачканное сажей, превратилось в мрачную, трагическую маску. В его взгляде я в одно мгновение прочёл всё: шок, мгновенное понимание, яростный протест и, наконец, горькое принятие. Он молча, тяжело кивнул. Один раз. Этого было достаточно. Между нами никогда не было нужды в лишних словах. Лис, стоявшая рядом, бросила на меня быстрый, почти неуловимый взгляд. В нём был страх за меня. И мрачное, суровое одобрение воина.

Я отступил к самому краю пылающей палубы. Закрыв глаза, на мгновение отсекая от себя весь этот хаос. Сосредоточился на тепле в груди, на зове Звёздной Крови. Воздух передо мной задрожал, пошёл рябью, как поверхность воды от брошенного в неё камня. Пространство треснуло и из него, ступив на палубу стальными когтями, шагнул мой гиппоптер. Величественный и смертоносный, его чешуя отливала вороненой сталью в кровавых отсветах пожара.

Одним движением я вскочил ему на спину. Аспект расправил могучие крылья и, издав азартный, кровожадный крик, похожий на скрежет металла, взмыл в небо. Подо мной «Золотой Дрейк», окутанный клубами чёрного дыма, начал неуклюжее снижение. Но Алексей и не думал уводить корабль. Он разворачивал его бортом к врагу, готовясь к последнему, прощальному салюту.

Я направил Гиппоптера прямо на цитадель. Замок «Девять Башен» рос, приближался, превращаясь из игрушечной крепости в каменного колосса. Я выхватил из Руны плазменную винтовку «Копьё». В голове, вытесняя страх и сомнения, стучала лишь одна мысль, простое и нерушимое правило, выжженное на моей душе огнём сотен сражений.

«Мы своих не бросаем. И пусть весь этот проклятый мир горит синим пламенем».

396.

Полёт на гиппоптере был по-своему великолепен, но сейчас у меня не было ни единой унции психологических сил, чтобы любоваться видами. Ветер, ледяной и пронизывающий, яростно бил в лицо, пытаясь сорвать с меня не только одежду, но и последние остатки человеческого тепла. Внизу замок «Девять Башен» раскинулся на вершине скалы, словно гигантский каменный спрут, вцепившийся своими щупальцами-стенами в мёртвый гранит. А позади, в стремительно сгущающихся багровых сумерках, «Золотой Дрейк» превращался в далёкий, чадающий похоронный костёр для двоих людей. Их смерть лежала на мне. Тяжёлая, как свинцовый погребальный саван, она давила на плечи, грозя сломать хребет.

Я заставил Аспект медленно, хищно кружить над цитаделью, оставаясь вне досягаемости арбалетного выстрела. Были видны пороховые вспышки винтовок, но чтобы попасть по такой быстрой цели как мы, нужно было обладать серебряными навыками в стрельбе. Мой взгляд, обострённый Восхождением до нечеловеческой остроты, метался по стенам и башням, препарируя вражескую оборону. Я видел каждую трещину в древней базальтовой кладке, каждого часового на стене, застывшего от изумления при виде невиданного зверя в небе. Но я искал не их. Цель была одна. Найти и уничтожить ту тварь, что держала в руках «Испепелитель». Вырвать это дьявольское оружие из её мёртвых, холодеющих пальцев. Или сжечь его вместе с владельцем.

Мысли в моей голове превратились в холодный, упорядоченный хаос. Я вскрывал свои тактические просчёты без анестезии, безжалостно вырезая опухоль собственной глупости, находя первопричину, источник заражения.

Первым и самым чудовищным просчётом была разведка. Вернее, её полное отсутствие. Я попёр напролом сам и людей своих потянул за собой. Напрыгнул голой пяткой на шашку, слепой, как новорождённый маблан, уповая на мощь корабля и собственную мнимую неуязвимость.

Вторым — гордыня. Чистейшая, дистиллированная гордыня, отравившая мой разум. Полученные Золотые Руны ударили в голову, как дешёвый, ядовитый аркадонский джин. Как же! Повелитель материи и плоти! Я решил, что моей мощи, моей воли хватит, чтобы продать любую оборону. Полсотни жалких дружинников в каменной коробке? Они не впечатлили меня. Самонадеянный, спесивый дурак. Дурак? Да... Дурак. Дурак!

Третьей ошибкой стала глухота. Ами говорила об истории замка, о силе древних Кел, что строили его. Я слушал её, кивал, но не слышал. Её слова были для меня лишь фоновым шумом, исторической справкой, не имеющей отношения к делу. Я не принял к сведению её предупреждения. Я видел перед собой лишь каменную коробку с кучкой солдат, сторожащих моих людей.

И наконец, ошибка четвёртая, самая непростительная для любого командира, — отсутствие плана «Б». Где был запасной вариант действий? Отвлекающий манёвр? Пути отхода? Их не было. Я поставил всё на один-единственный удар. Стоит удивляться тому, что я проиграл? Нет. Не стоит.

Я принял эмоциональное, импульсивное решение, вместо того чтобы планомерно заниматься стратегическим планированием. И люди заплатили за мою гордыню и спешку своими жизнями. Эта мысль билась в черепе, как молот по наковальне, раскаляя виски. Больше никогда. Я мысленно поклялся на пепле моих погибших бойцов. Больше никакого продавливания врагов голой мощью. Больше никаких эмоциональных порывов. Только холодный, беспощадный, математический расчёт.

Когда самобичевание достигло своего апогея, я увидел его. Стрелок стоял на самой высокой башне, той, где на ветру отчаянно полоскал на ветру чёрный флаг с серебряной короной.

Тёмная высокая фигура. Она не пряталась. Она стояла на самом краю парапета, словно ждала меня, словно всё это было частью некоего грандиозного, жуткого спектакля, где я был главным актёром. В руках она держала посох. Неестественно длинный, болезненно тонкий, как игла хирурга. Почему-то не было и тени сомнения, что это и есть «Испепелитель».

И тотчас же, вслед за этим ледяным озарением, в мозг вонзилась вторая мысль, ещё более страшная, ещё более ядовитая в своей простоте. Он не целился в «Дрейк». Он целился в меня. Весь этот огненный спектакль, эта кровавая, дымная катастрофа — всё было лишь началом. Прологом, написанным огнём на теле моего корабля и скреплённым кровью моих людей.

Раздумывать было некогда. Каждая доля секунды теперь стоила жизни. Я отдал Гиппоптеру мысленный, беззвучный приказ — пикировать. Стальной гиппоптер, сложил крылья и камнем рухнула вниз, словно в глотку этому каменному чудовищу. Ветер взвыл в ушах, превратившись в сплошной ревуший поток. Я вскинул плазменную винтовку «Копьё», лоя в перекрестье прицела тёмный силуэт. Выстрел. Сгусток перегретой плазмы, ослепительно-белый, сорвался со ствола, оставляя в сумеречном воздухе шипящий, ионизированный след.

Но фигура на башне ушла ловким перекатом в сторону.словно перетекла из одного положения в другое, а потом и вовсе скрылась из поля видимости. Мне явно противостоял Восходящий. Плазменный болт, яростно ударил в каменную кладку за тем местом, где только что стоял мой враг, выбив сноп ослепительных искр и оставив на древних камнях оплавленную, дымящуюся опсину.

Я выругался сквозь зубы. Перезарядка «Копья» была слишком долгой, а время пошло уже на секунды, которых у меня не было. В этот самый момент боковым зрением я уловил движение. На крыше башни были ещё несколько фигур.

Решение пришло мгновенно, обогнав мысль. Я закинул бесполезную сейчас винтовку за спину.

В Скрижали вспыхнула Руна Огненный Пилум. Обжигающий жар сконцентрировался в ладонях. Но я не дал ему сорваться с рук одним огненным копьём, обречённым на такой же бесславный промах. Тщательно выверив свой бросок, попал в одного из бойцов. Тот сгорел не успев закричать от ужаса и боли. Яркая, нестерпимая вспышка на мгновение ослепила глаза, привыкшие к полумраку. Но не теряя времени я обратился к первобытной неукротимой энергии Ледяной Звезды, пропустив её силу через Перчатки Стихий, насильно наложив на неё ледяную, матрицу кристаллической шрапнели. Крыша башни отпечаталась в моём разуме, чтобы ударить по всей её площади, не обязательно было её видеть. Следом за Огненным Пилумом с вытянутой руки сорвался веер из сотен ледяных игл, выстреливших, как шрапнель из мортиры, покрывая всю плоскую крышу башни смертоносным ледяным ливнем. Воздух наполнился высоким, тонким, кристалльным визгом. Шрапнель, острая как хирургический инструмент, обрушилась на башню, яростно кромсая камень и плоть без разбора.

Гиппоптер расправил могучие крылья, останавливая наше стремительное падение. Зрение возвращалось медленно, неохотно, словно продираясь сквозь стеклянную крошку, я смотрел вниз, на результат своей импровизации. Начальный ход в этой партии был сделан. Теперь начиналась игра на выбывание. Кровавая игра.

И то, что я увидел, заставило моё сердце не просто замереть — оно провалилось в беспросветную бездонную пустоту. Фигура в чёрном плаще поднималась по штурмовой лесенке на крышу. Не обращая внимания на нескольких стрелков лежащих вокруг, превращённых в истыканное ледяными иглами решето. А эта тварь... она была невинна. Она уже подняла свой тонкий, как жало «Испепелитель» и целилась в меня.

Время не замедлилось. Оно треснуло и рассыпалось на мириады острых, неподвижных осколков. Я видел, как костлявые, обтянутые чёрной перчаткой пальцы стрелка сжимаются на рукояти древнего артефакта. Видел, как на набалдашнике посоха загорается крохотная, руби-

новая точка. Ещё секунда — и я превращусь в горстку пепла, как те несчастные на палубе «Дрейка».

Цель была недостижима. Я не успевал достать винтовку. Не успевал атаковать цель Рунами — они в откате. Я парил над пропастью, и этот третий выстрел станет моим последним.

397.

В первые, бесконечно долгие доли мгновенья, меня пронзил ледяной ужас. Не тот страх, что бодрит и заставляет кровь быстрее бежать по жилам, а тот первобытный, парализующий ужас, что обращает кровь в стылую ртуть и превращает кости в хрупкий лёд. Но затем, как бывало всегда в минуты смертельной опасности, дьявольская машина в моём черепе, усиленная дарами Восхождения, переключилась в иной режим. Чувства, эта ненужная, обременительная роскошь, отмерли, уступив место холодным, отточенным рефлексам, а те, в свою очередь, — бездушному, рациональному действию.

Обхватив ногами мускулистые бока гиппоптера, чтобы освободить руки, я в едином, отчаянном движении одной ладонью коснулся гвоздя Стигмата, вбитого в моё запястье, а другой активировал Руну Великого Щита Обжигающего Света. Золотистая полупрозрачная сфера, сотканная из чистого света, материализовалась вокруг меня, и в тот же миг я отдал Аспекту беззвучный, мысленный приказ пикировать вниз. Сложить крылья и нырнуть в пропасть. Это не могло спасти меня полностью, я это знал, но могло хотя бы уменьшить силу удара, рассеять его смертоносную мощь.

«Испепелитель» выстрелил одновременно с началом нашего отчаянного манёвра. Не было ни луча, ни вспышки, но то, что это был выстрел было ясно сразу. Щит, что обычно выдерживавший десятки и сотни атак, отчаянно замерцал и за долю секунды истощился, погас, осыпавшись мириадами золотых, гаснущих искр. Неукротимый жар прошёл сквозь него, обрушившись на меня и Аспект. Я ощутил, как обугливается ткань моего френча, как адская, нестерпимая боль вонзается в плоть на плече и груди, словно клеймо, выжженное на моей коже. Приземление вышло нештатным, катастрофическим — мы с гиппоптером рухнули на каменную крышу и покатались по ней, скрежеща когтями о камень, подняв облако каменной крошки. Через мгновение я уже был на ногах, шатаюсь, но живой. А мой верный гиппоптер, исполнив свой долг, истаял, обратился в лёгкую дымку, вернув остатки Звёздной Крови в мой резерв.

Вскочив, я увидел, как фигура в чёрном плаще развязывает завязки на воротах и небрежным, почти ленивым движением поводит плечами. Чёрные меха, тяжёлые и грубые, осыпались на камни, обнажая то, что было под ними — обтягивающий комбинезон, отливающий в тусклом свете сумерек тусклым золотом. Он сидел на ней, как вторая кожа, обнажая точёную, хищную фигуру. В её руке бесшумно замерцало лезвие, какого-то энергетического оружия. Сотканный из чистой энергии клинок был видимым только благодаря хлещущим струям дождя.

И я замер. Передо мной стояла женщина.

Моральная дилемма, давно похороненная, казалось, под слоем пепла и крови, обрушилась на меня, как внезапная лавина. Сражаться с женщиной? После всего, что я пережил, после всего, что я потерял? Но я вызвал справку через Скрижаль, и информация ударила меня, как разряд молнии, отрезвляя и возвращая в реальность:

Фиа ван дер Бас.

Народ: Изгой.

Ранг: Бронза.

Содержит Звёздную Кровь.

Это была какая-то близкая родственница Кееса ван дер Баса и бронзовая Восходящая. Воительница, стоящая ниже меня на лестнице Восхождения, но оттого не менее опасная, способная убить меня, не моргнув. Но всё равно — передо мной была женщина, и та часть меня,

та, что ещё помнила то откуда я, не хотела поднимать руку на представительницу слабого пола, не хотела видеть её кровь на своих руках. Однако другая моя часть, та, что видела, как мои друзья превращаются в пепел по её вине, та, что была выкована в горниле сотен боёв, безжалостно напоминала, что это не игра в рани в кантине, а смертельная схватка. В этой кровавой драме сантименты были самым быстрым билетом в партер Вечности, а слабость означала неминуемую смерть. И не только мою, но и моих людей. Слишком высоки ставки.

— Кир из Небесных Людей. — Голос её, вопреки шуму дождя и вою ветра, прозвучал на удивление чисто и отчётливо. — Ты прилетел один, чтобы закончить то, что начал.

Я молчал, позволяя этой фразе повиснуть в стылом воздухе. Моя рука медленно легла на эфес иллиумового меча. Я не ожидал, что она узнает меня, что эта встреча на вершине этой живописной долины будет обставлена с таким дьявольским знанием дела.

— Откуда ты меня знаешь? — вопрос сорвался с моих губ, сухой, хриплый и отрывистый.

— Не так много Восходящих летают над Кровавой Пустошью на столь приметном воздушном паруснике, — она чуть склонила голову набок, и в этом движении сквозила ленивая хищная грация.

— И не за голову каждого предложена столь щедрая награда? — парировал я, ощутив горький привкус собственной известности.

— Не за каждого... — она сделала паузу, словно пробуя на вкус моё молчание. — Вы летали за небесной капсулой? Как успехи?

— Да, летали. И спасли женщину, которую Кеес ван дер Бас, хотел сделать трэлем, — я намеренно ударил по самому больному.

— Значит, мой брат мёртв... — это был не вопрос, а констатация.

В её голосе не прозвучало ни печали, ни удивления, лишь холодная, металлическая уверенность. Но ответить требовалось. Вдруг удастся договориться с ней.

— Ты права, — наконец ответил я. — Твой брат мёртв. Я убил его в честном поединке Фионтара.

— Честном поединке? — её губы искривились в горькой, ядовитой усмешке. — Ты Кровавый Генерал. Неужели тебе, палачу и завоевателю, не претит приукрашивать банальные убийства этим высоким словом — «честь»? Мой брат был прав, называя вас, пришельцев, трусами, прячущимися за громкими словами.

— Твой брат имел возможность убедиться перед смертью, что его убеждения не соответствовали истине, — я сделал шаг вперёд, чувствуя, как раскалённая игла боли от ожога вонзается глубже в плечо. — И я убил его не из трусости. Я убил его, потому что он собирался казнить моих людей. Выбора он мне не оставил.

— Не было выбора... — она повторила мои слова, вкладывая в них всю желчь и презрение, на которые была способна. — А ты не задумывался, чужак, что для нас вы — зараза, вторгшаяся на нашу землю, в наш мир? — её голос начал дрожать от сдерживаемой, клокочущей ярости. — Ты прилетаешь с небес, убиваешь Патриарха Благородного Дома и думаешь, что можешь хозяйничать здесь, как у себя дома? Как не отсох твой мерзкий язык принести мне такую новость?

Я почувствовал, как внутри меня закипает ответный тёмный гнев, но заставил себя сохранить внешнее спокойствие. Ярость была плохим советчиком в поединке с бронзовым Восходящим.

— Я здесь не для того, чтобы захватывать вашу землю. Я здесь, чтобы освободить своих людей, легионеров, которых твой брат держит в плену.

— Эти люди стали нашими пленниками, потому что нарушили законы Поднебесного Аркадона! — её взгляд метнул в меня молнии. — Легион не имеет права отступать без приказа! Они дезертировали, бежали от справедливого наказания, как последние вонючие мабланы!

— Справедливого? — я не выдержал и горько рассмеялся. — Ты называешь справедливой казнь опытных ветеранов в разгар войны с ургами? Великий Аркадон трещит по швам от внутренних противоречий и внешних ударов, а вы собираетесь убить своих лучших и храбрейших воинов?

Фиа на мгновение замялась. Всего на одно, почти неуловимое мгновение, но в нём я увидел не безжалостного воина, а женщину, которая, быть может, не знала всей правды, человека, ослеплённого ложью и горем.

— Я пришла сюда не для того, чтобы спорить с тобой о справедливости, — наконец произнесла она, и её голос снова обрёл ледяную твёрдость. Она подняла своё энергетическое оружие, и его лезвие загудело, разгоняя капли хлеставшего дождя. — Я пришла сюда, чтобы отомстить за брата.

— Я не могу позволить тебе этого сделать, — я медленно, с неохотой, вытащил свой меч из ножен.

Иллиум клинка тускло блеснул в сгушающихся сумерках.

— Но знай, что я не хочу сражаться с тобой.

— А я не спрашивала твоего разрешения, Кровавый Генерал, — её голос стал клинком, острым и холодным. — Ты убил члена Благородного Дома ван дер Бас. Патриарха и моего родного брата. За это ты заплатишь своей жизнью и Звёздной Кровью.

Мы стояли друг против друга на продуваемой всеми ветрами крыше, разделённые всего несколькими шагами. Ветер бросал нам в лица холодные, колющие капли дождя. Я знал, что любое моё решение сейчас — это выбор меньшего из зол. Можно было попытаться уйти, бежать. Можно было попытаться уговорить её, воззвать к разуму. Но время для слов уже ушло, утонуло в крови моих людей и её брата. Никто не давал мне гарантий того, что легионеров, томящихся в плену, прямо сейчас не казнят. Поэтому и выбора у меня не было. Оставался только бой.

— Тогда давай закончим это, — произнёс я, принимая боевую стойку.

Меч стал продолжением моей руки.

— Но знай — я сражаюсь не из-за гордыни или мести, а только для того, чтобы защитить тех, кто мне дорог. Нам не обязательно драться. Отдай мне пленных легионеров, и ты больше никогда меня не увидишь.

Фиа ван дер Бас ответила коротким, почти неуловимым кивком, и в следующее мгновение её энергетическое лезвие пришло в движение. Всполохи энергии от попадающих на невидимый клинок дождевых капель обозначали смертоносную дугу его движения. Начался тот танец, в котором музыка — лязг клинков, а финал предопределён судьбой. Схватка, которая решит судьбу не только нас двоих.

398.

Цель моя была ясна и понятна. Необходимо победить Фиа ван дер Бас и вырвать из подземелий этого мрачного замка легионеров. Это был мой личный долг, выжженный на совести пеплом сгоревших парней на палубе «Дрейка». Вопрос чести, если это слово ещё хоть что-то значило в этом мире, и вопрос элементарной человечности. Я сражался не за победу как таковую, а за право моих бывших сослуживцев на жизнь.

Женщина сделала шаг мне навстречу. Испепелитель в её руке зашипел, вспыхнув призрачным, нематериальным клинком, сотканным, казалось, из чистого сгущённого гнева. И почти сразу, с первой же моей отчаянной попытки парировать её удар, я осознал фатальную истину. Мой иллюмовый меч был абсолютно бесполезен против её оружия.

Наш первый обмен ударами был молниеносным. Я попытался отбить её выпад, но мой клинок встретил не сталь, а пустоту. Призрачное лезвие прошло сквозь иллюм, не встречая сопротивления. Оно оставило на моём правом предплечье глубокий росчерк кровоточащей раны. Боль, острая и жгучая, как удар огненного хлыста, пронзила руку до самого плеча. Пальцы разжались сами собой. Меч полетел вниз, но я, извернувшись, успел подхватить его в воздухе левой рукой.

Развитый Навык Амбидекстрии позволял мне сносно фехтовать и левой. Но этот стиль боя был для меня чужим, неуклюжим, словно я сражался рукой мертвеца. Каждое движение требовало большего усилия, каждая попытка парировать её удар давалась с мучительным трудом. Фиа, напротив, уподобилась золотой молнии, не давая ни мгновения, чтобы опомниться, чтобы привыкнуть к новому, неудобному хвату. Её атаки были яростны и точны, как уколы хирурга. Она видела мою слабость и безжалостно била по ней, обрушивая на меня каскад выпадов, пытаясь выбить меня из равновесия, заставить ошибиться.

Я понимал с убийственной ясностью, что проигрываю. В этом честном поединке, клинок против клинка, у меня не было ни единого шанса. Отчаяние, холодное и липкое, подступило к горлу. И я сделал то, чего не делал никогда. Встретив её очередную атаку, я отвёл её клинок в сторону, намеренно подставляя левое плечо под скользящий удар, и в тот же миг нанёс встречный удар ногой. Грязный, подлый приём из арсенала головорезов. Мой сапог врезался ей в живот.

Фиа отлетела назад, прокатившись по скользким от дождя камням крыши. Но даже в падении она сохраняла невероятное хладнокровие. Её энергетический клинок не погас, он продолжал гудеть в её руке, готовый к новой атаке. Она вскочила с нечеловеческой кошачьей грацией, словно мой удар не причинил ей никакого вреда. Она снова ринулась в атаку, и я был вынужден уклоняться, отступать, пятиться от её нематериального, призрачного клинка. Наша схватка превратилась в смертельный, рваный танец на самом краю пропасти, где каждый неверный шаг, каждое неловкое движение могло стать последним.

В один из таких моментов, когда мы снова сблизились для отчаянного обмена ударами, произошло нечто неожиданное. Фиа, когда наши тела почти соприкоснулись в вихре боя, стремительно вытащила из-за спины тонкий, как игла, стилет и нанесла мне короткий, скользящий удар в бок. Я отшатнулся, ожидая привычной острой боли от раны, но вместо этого почувствовал, как по моим венам разливается ледяной, чужеродный огонь.

Я понял мгновенно, что стилет был отравлен. Яд действовал быстро и неумолимо. В глазах поплыл багровый туман, мысли, ещё секунду назад острые и ясные, превратились в вязкий, неповоротливый кисель. Тело словно налилось расплавленным свинцом. Это была катастрофа. Не просто рана, а полная потеря контроля над ситуацией. Яд замедлял меня, лишал способности адекватно реагировать, отнимая моё главное преимущество — сверхчеловеческую реакцию Восходящего.

Фиа остановилась, наблюдая за мной с откровенным, злорадным торжеством.

— Яд смертельный. Любой другой уже бы сдох, корчась у моих ног. А ты крепкий, — её голос сочился ядом не меньше, чем её клинок. — Но так даже лучше. Будешь дольше мучиться...

Полуторный меч выпал из ослабевших, непослушных пальцев и звонко, почти по-погребальному, ударился о камни. Звук падения моего меча о камни стал тем финальным аккордом, тем последним ударом в литавры в грандиозной симфонии моего поражения. Мир поплыл, теряя свои резкие, жестокие очертания, превращаясь в акварельный набросок, безжалостно размытый холодным дождём. Фиа надвигалась на меня, её силуэт дрожал и двоился, словно отражение в кривом зеркале. Её призрачный клинок гудел, как разъярённый, готовый к смертельному укусу шершень.

В первые, бесконечно растянувшиеся доли этой секунды, меня накрыл ледяной, животный ужас. Не благородный страх воина перед смертью, а тот первобытный, парализующий, липкий ужас, что живёт в спинном мозге. Страх перед небытием, перед болью, перед окончательным и бесповоротным концом.

А затем, как бывало всегда в минуты смертельной опасности, когда душа уже готова была покинуть тело, что-то щёлкнуло. Я переключился в иной, бесчеловечный режим. Чувства, эта ненужная, обременительная роскошь, отмерли, уступив место холодным, отточенным до автоматизма рефлексам. Тело, ещё не до конца покорённое ядом, действовало само, как марионетка, чьи нити дёргал инстинкт выживания.

Она сделала выпад — смертельный, выверенный, идеально рассчитанный на то, чтобы пронзить моё сердце и оборвать эту жалкую комедию. Но я, вместо того чтобы отпрыгнуть, уклонился и шагнул ей навстречу.

Обхватив её за талию, я резко сблизился, используя её собственный смертоносный импульс против неё же, и нанёс удар лбом в переносицу. Это не было гениальным тактическим расчётом. Это был чистый, животный рефлекс, вбитый в мои мышцы годами муштры и десятками боёв. На расстоянии её клинок был абсолютной смертью. Вплотную же он превращался в бесполезную, хоть и ярко светящуюся палку. Мы рухнули на скользкие, ледяные камни единым спутанным, барахтающимся клубком, в нелепой пародии на объятия любовников.

Борьба на земле была короткой, грязной и отчаянной. Вскоре я оказался сверху, удерживая её запястье. Удар! Ещё удар! И энергетический меч покатился, лезвие его выключилось. Ватные, предательски непослушные мышцы горели огнём от напряжения и яда. Я нанёс несколько быстрых, грязных ударов кулаком в область её солнечного сплетения. Каждый удар отдавался тупой, ноющей болью в моих собственных костяшках. Я бил вкладывая всю массу своего тела, добавляя в каждый удар всё отчаянное, первобытное желание жить. Она зашипела от боли и ярости, как змея, её руки с обломанными ногтями царапали мою шею и одежду, пытаясь дотянуться до моих глаз.

И вот тогда, прижав её всем своим весом к ледяным, мокрым камням, я замер на одну невыносимую долю секунды. Передо мной, во всей своей абсурдности, возникла дилемма, острая, как лезвие её отравленного стилета. Я безоружен и отравлен. Мои мысли едва ворочались в черепе, превратившись в вязкий, мутный кисель. Но она, даже прижатая к земле, всё ещё представляет смертельную угрозу. А я обязан убить её. Сейчас. Здесь. Но могу ли я убить женщину голыми руками, даже если это спасёт десятки жизней? Этот вопрос ударил меня, как разряд тока, пронзив туман ядовитого дурмана.

Время для философских размышлений кончилось в тот же миг. Фиа извернулась под мной со змеиной гибкостью, её рука метнулась к поясу, чтобы вновь выхватить стилет. И я принял необходимость — могу. Могу и сделаю. Потому что это был тот самый пресловутый выбор меньшего из зол, о котором так любят рассуждать сытые мудрецы в тёплых кабинетах. Никак иначе поступить было уже нельзя. Мой кулак, тяжёлый, как молот палача, опустился на

её точёные черты лица, на надменный изгиб губ. Послышался мокрый, отвратительный хруст ломаемых костей. Но этого было мало. Она яростно заорала, извиваясь подо мной, как пойманный в силки зверь, её ненависть и воля к жизни были не сломлены, а лишь распалены болью.

Тогда я схватил её за плечи, ощутив под пальцами, как напряглись её мышцы, и с силой, которой во мне почти не осталось, ударил её затылком о каменные плиты. Один раз. Второй. Третий! Раздался мокрый, отвратительный звук, и её тело вдруг обмякло, превратившись в безвольную, тяжёлую куклу. Она, что называется, поплыла и перестала сопротивляться. Мои руки, почти наощупь, будто живя своей собственной, отдельной жизнью, нашли её шею — тонкую, тёплую — и сомкнулись на ней стальной, неотвратимой удавкой.

И в это самое мгновение я снова заколебался. Яд, до этого мутивший сознание, вдруг отступил, подарив мне одну-единственную секунду пронзительной ясности. Зрение прояснилось, и я увидел её лицо. Разбитое, залитое кровью, искажённое болью и предсмертной яростью, но всё равно, даже в этом уродстве, отчаянно, невозможно живое и по-своему прекрасное. Я смотрел в её широко раскрытые глаза, и не было в них ни страха, ни ненависти. Лишь холодная, стальная, негибкая решимость. Вероятно, в точности такая же, как у меня. Мы были зеркалами, отражающими друг в друге один и тот же смертельный оскал необходимости.

И тогда я вспомнил. Не просто вспомнил — я увидел, услышал, почувствовал запах. Обугленные, скрюченные тела на палубе «Дрейка». Омерзительный запах жжёной человеческой плоти, ввевшийся, казалось, в самую мою душу.

Пальцы сжались сами собой, выдавливая из этого красивого, сильного и гибкого тела воздух и саму жизнь.

Или она, или они. Или она, или я. Необходимость. Жестокая, слепая и неотвратимая, как и вся жизнь в Единстве. Я не знаю, сколько это продолжалось. Секунды растянулись в липкую, душную вечность. Я смотрел в её затухающие глаза и чувствовал, как под моими пальцами что-то с сухим, омерзительным хрустом ломается. Её тело в последний раз дёрнулось в агонии, выгнулось дугой и затихло навсегда.

Когда её дыхание прекратилось, я на мгновение закрыл глаза. Эта победа, если можно было назвать это так, не принесла ни облегчения, ни удовлетворения. Только горечь, подобную пеплу, и холодную, звенящую пустоту внутри. Я убил её. Я задушил женщину на мокрой крыше этой прекрасной пасторальной долины. Её лицо, разбитое и прекрасное, будет преследовать меня в кошмарах до конца дней. Но я также знал, с той же убийственной ясностью, что если бы я не сделал этого, все, ради кого я сюда пришёл, были бы обречены.

Я медленно, с нечеловеческим усилием, поднялся, шатаясь от нового, ещё более мощного приступа. Мир вокруг качался, как палуба корабля в девятибалльный шторм. Мой взгляд, мутный и расфокусированный, был устремлён на единственную спасительную точку в этом хаосе — на тёмный проём двери, ведущей с крыши внутрь башни. Время уходило, вытекало из меня вместе с жизнью. У меня остались считанные минуты, прежде чем яд окончательно парализует меня, превратив в беспомощный кусок мяса на этом каменном алтаре.

399.

Я лежал на ледяных, скользких камнях, и холодный, а безразличный ливень хлестал меня по лицу. Он смывал пот, кровь и грязь с моей кожи, но был бессилён смыть тот яд, что подтачивал меня изнутри, словно невидимый, злорадный червь. Мир превратился в мутное, плывущее пятно, в смазанную картину, нарисованную пьяным безумцем. Каждый удар сердца отдавался глухим ударом молота по вискам, каждая мысль была вязкой, неповоротливой, отвратительной медузой, барахтающейся в мутном киселе моего угасающего с каждой минутой сознания.

Разум, цепляясь за последнюю ниточку рассудка, судорожно перебирал доступный мне арсенал.

Общее количество Звёздной Крови: 1551 / 2397

Руна Кольцо Неуязвимости — Руна-Предмет (Ранг: Серебро). (0 из 3 зарядов)

Разрушение Меток — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Феромоны — Руна-Предмет (Ранг: Серебро).

Руна Домен Диких Строителей — Руна-Существо (Качество: Серебро).

Руна Материя — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Некротрансформация — Руна-Умение (Ранг: Серебро).

Руна Ледяная Звезда — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Аура Страх — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Исцеление — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Великий Щит Обжигającego Света — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Ментальной Связи — Руна-Закливание (Ранг: Бронза).

Руна Разряд Молнии — Руна-Закливание (Ранг: Бронза).

Руна Сияние — Руна-Закливание (Ранг: Бронза).

Руна Зирдиновое Копьё — Руна-Предмет (Ранг: Бронза).

**Руна Термобарическая Граната — Руна-Предмет (Ранг: Бронза). Усиления:
+огненная стихия**

Руна Ментальной Иммунности — Руна-Умение (Ранг: Бронза).

Руна Паразавр — Руна-Существо (Качество: Бронза).

Руна Алого Когтя — Руна-Закливание (Ранг: Бронза).

Руна Уменьшение веса — Руна-Умение (Ранг: Бронза).

Руна Сумка Искателя — Руна-Хранилище (Ранг: Бронза).

Руна Фляга с Ядом Имаго — Руна-Предмет (Ранг: Дерево).

Руна Метка Охотника — Руна-Закливание (Ранг: Дерево).

Руна Ведьмин Корень — Руна-Предмет (Ранг: Дерево).

Руна Импульсная Винтовка — Руна-Предмет (Ранг: Дерево).

Руна Цветочное Бренди (Ранг: Дерево).

Руна Живой Плоти — Руна-Умение (Ранг: Дерево).

Руна Маблан — Руна-Существо (Ранг: Дерево).

Руна Ушастый Попрыгун — Руна-Существо (Ранг: Бронза).

Руна Аннигилирующая Десница Изгоя — Руна-Предмет (Ранг: Бронза).

Руна Хитиновый Шип — Руна-Закливание (Ранг: Бронза).

Руна Печать Аннигиляции — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Укрепление — Руна-Закливание (Ранг: Дерево).

Руна Флотский Рацион — Руна-Предмет (Ранг: Дерево).

Руна Запас игл для электромагнитного метателя — Руна-Предмет (Ранг: Дерево).

Руна Копчёная Укса — Руна-Предмет (Ранг: Дерево).

Руна Бочки с водой — Руна-Предмет (Ранг: Дерево).

Руна Командования Инсектоидами — Руна-Закливание (Ранг: Бронза).

Руна Плоть — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Некротический Симбиоз — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Теневые Отродья — Руна-Закливание (Ранг: Серебро).

Руна Теневой Страж — Руна-Существо (Ранг: Серебро).

Руна Некроэммисар — Руна-Существо (Ранг: Серебро).

Руна Вопль Баньши — Руна-Умение (Ранг: Серебро).

Руна Некромантия Среднего Порядка — Руна-Навык (Ранг: Серебро).

Перстень Роршага — Руна-Предмет (Ранг: Серебро).

Список Навыков:

Телесная Крепость — 7/10 (Ранг: Серебро).

Псионическая Активность — 4/10 (Ранг: Серебро).

Неутомимость — 2/10 (Ранг: Серебро).

Регенерация — 7/10 (Ранг: Серебро).

Ядовитая Устойчивость — 2/10 (Ранг: Серебро).

Адаптивность Организма — 2/10 (Ранг: Серебро).

Амбидекстрия — 3/10 (Ранг: Бронза).

Рунное Искусство — 1/10 (Ранг: Золото).

Абсолютная Память — 5/10 (Ранг: Бронза).

Внушение — 5/10 (Ранг: Бронза).

Гипнотизм — 3/10 (Ранг: Бронза).

Закрытый Разум — 6/10 (Ранг: Бронза).

Ментальный Барьер — 5/10 (Ранг: Бронза).

Отключение эмоций — 2/10 (Ранг: Бронза).

Превосходный Стрелок — 7/10 (Ранг: Бронза).

Звериный Инстинкт — 3/10 (Ранг: Бронза).

Глава Прайда — 7/10 (Ранг: Бронза).

Владение Копьём — 1/10 (Ранг: Бронза).

Паразитное Дыхание — 2/10 (Ранг: Бронза).

Знание единого языка — 9/10 (Ранг: Дерево).

Верховая езда — 5/10 (Ранг: Дерево).

Таранный Рывок — 6/10 (Ранг: Дерево).

Язык Зверей — 7/10 (Ранг: Дерево).

Ночное Зрение — 2/10 (Ранг: Бронза).

Прочная Кожа — 1/10 (Ранг: Бронза).

Чёрная кость — 1/10 (Ранг: Бронза).

Титул: Хейр

Количество Славы: 436

Звёздные Монеты: 413

Я мазнул по содержимому Скрижали мутным взглядом, с трудом соображая, что из этого арсенала сможет мне сейчас помочь. Что я искал? Спасение. Противоядие. Хоть что-нибудь. Эликсир Антияда или Руна Очищения подошли бы идеально, но тут же память, острая, как

стилет Фиа, полоснула по мозгу. Я отдал их Лис. Отдал, потому что у неё медицинский диплом, а у меня за плечами лишь кровавый опыт полевой хирургии и сомнительная репутация мясника. На тот момент это казалось блестящей, единственно верной идеей. Просто гениальной. Ирония судьбы, горькая, как желчь, наполнила рот.

Пришлось работать с тем, что осталось. Я активировал «Руну Исцеления». Но было ясно, что это слабая, бесполезная припарка на гангренозной ране. Затем — «Живая Плоть». Мои клетки будут пытаться регенерировать быстрее, чем их убивал яд. И сверху, для верности, — «Укрепление». Это было всё равно что пытаться залить лесной пожар из напёрстка. Яд затаился, а затем с новой силой вцепился в мои внутренности. Тело предательски продолжало слабеть.

И тут снизу, из чрева башни, донеслось то, чего я боялся больше всего. Резкие, отрывистые команды. И мерный, нарастающий топот десятков тяжёлых подкованных сапог по каменным ступеням винтовой лестницы. Гарнизон замка проявил себя. Они сориентировались. Нашли место моего бесцеремонного проникновения. И теперь шли исправлять свою оплошность. Шли убивать меня. Только благодаря превосходным серебряным Атрибутам и прокачанным Навыкам Восходящего я ещё не превратился в холодный, окоченевший труп. Мой организм был как высокотехнологичный двигатель, в который вместо чистого топлива залили смесь дёгтя с песком. Он ещё работал, скрипел, дымил, но конец был предсказуем и близок.

До их появления на крыше оставались считанные секунды. А я уже не был бойцом. Не сейчас. Сейчас я был мешком отравленной, полуживой плоти, едва способным стоять на ногах.

Мой последний, отчаянный шанс. Я снова коснулся шляпки серебряного гвоздя Скрижали на запястье, активировав рунный интерфейс Восходящего. Больше ничего не оставалось.

Рядом со мной воздух сгустился, почернел, обрёл форму. Из небытия, из самой тени, шагнуло существо. Матёрый маблан. Он был размером с крупную овчарку, покрытый тусклой серой чешуёй, по которой беззвучно струилась дождевая вода. Его глаза — две блестящие бусины обсидиана, лишённые зрачков, — уставились на меня. Из клыкастой, полной острых зубов пасти вырвалось облачко пара. Память услужливо подкинула описание его Руны. Быстрый. Выносливый. Стайный хищник. Прекрасно ориентируется в темноте. Падалыщик. Прочная чешуя. И... трупный яд в слюне.

Зверь принялся, втягивая ноздрями влажный воздух. Я отчётливо понял, что он учуял мою кровь, мою слабость и тот яд, что тёк в моих жилах. Он был голоден. Но я не был добычей. Ментальный импульс, короткий и властный, как удар кнута, ударил по примитивному сознанию животного. Он вздрогнул, отпрянул, прижал уши к черепу и тихо, по-щенячьи заскулил, признавая во мне вожака. Мой единственный член стаи на данный момент.

Я опёрся о стену, тяжело дыша. Маблан встал передо мной, тихо, утробно рыча в сторону двери. Он был моей единственной защитой. Моим единственным оружием. Моим последним козырем в этой заведомо проигранной партии.

Что я ещё мог сделать? Не так уж и мало, если вдуматься. Следующей Руной, которую я использовал, стала «Печать Аннигиляции». Вход здесь один, как и выход. Нападающие неизбежно попадутся в мою ловушку. Я расставлял силки, уже почти не веря, что доживу до того момента, когда они захлопнутся. Но моя ловушка унесёт нескольких дружинников в Вечность. Шатаясь и опираясь на маблана, я с трудом запер дверь на засов.

400.

Почти сразу в дверь прилетел первый увесистый удар. Она содрогнулась, застонав всеми дряхлыми фибрами. Потом раздался второй и третий. Древние доски из камнедерева, окованные почерневшим от времени железом, держались на честном слове и проржавевших, казалось, насквозь петлях. Они были ровесницами этого замка, и их стойкость была скорее чудом, чем закономерностью. Долго они не продержатся.

Яд был не побычной отравой. О, нет, это было бы слишком просто. Он был изощрённым произведением алхимиков, сумевших произвести архитектора моей личной, персональной преисподней. Эта отравка выстраивала её кирпичик за кирпичиком в моём собственном теле. Руки ходили ходуном, отказываясь подчиняться приказам мозга. Мир плавился по краям, как забытая у костра восковая свеча. Маблан припал к полу, утробно, сдавленно рыча на дверь. Он чувствовал их. Чувствовал их животный страх, их слепую ярость и запах свежего, тёплого мяса.

Передо мной, как это часто бывало в моей жизни после попадания в Единство, лежал выбор без выбора. Погибнуть здесь и сейчас, под тяжёлыми, подкованными сапогами гарнизона. Или выпустить на волю псов, куда более страшных, чем эти солдафоны. Мой мутный взгляд снова метнулся к Скрижали. К Рунам тёмным и запретным, которые я до сих пор старался игнорировать, как игнорируют уродливую родинку на лице собеседника. Некротические Руны, доставшимся мне в наследство от безумца Роршага. Тёмное наследие, от которого веяло могильным холодом, безумием и той особой, тошнотворной сладостью разложения.

Ами бы меня за такое... Она бы это точно не одобрила. И была бы абсолютно права. Некромантия — это не просто ещё одно направление магии или набор заклинаний. Это целая философия. Философия гнили, распада и противоестественного, омерзительного цепляния за жизнь, которая уже закончилась. Но, как цинично подметил угасающий разум, чтобы ощутить её праведный гнев, мне для начала сейчас нужно было как-то выжить.

Мои колебания длились ровно столько, сколько понадобилось двери, чтобы с оглушительным треском треснуть от очередного таранного удара. Решение было принято.

Я активировал «Ауру Страх». Серебряная руна в Скрижали вспыхнула на мгновение и тотчас погасла. Внешне ничего не произошло. Ни ослепительных вспышек, ни оглушительных звуков. Но я почувствовал это каждой клеткой своего отравленного тела. Воздух на крыше стал плотнее, тяжелее, словно на нас опустился невидимый свинцовый купол. И за дверью на мгновение стало тихо. Они почувствовали это. Животный, иррациональный, липкий ужас, сочащийся сквозь щели в умирающей двери.

Дружинники, оправившись от первоначального шока, вызванного бесследным исчезновением их авангарда, хлынули на крышу с упорством и яростью приливной волны. Поток стали, кожи и грубого животного намерения убивать. И тогда я, собрав последние крохи воли, активировал «Вопль Баныши».

Крика, который можно услышать ушами, не было, но это было нечто несравненно более мерзкое. Беззвучная ментальная волна, ледяной шквал чистого, концентрированного ужаса ударил по ним. Это был вопль, вонзающийся не в барабанные перепонки, а прямо в разум, в самые потаённые уголки души, где гнездятся детские страхи и предчувствие собственной смерти. Люди падали, как скошенные фермером початки кхеры, хватались за головы, их лица искажались в масках невыносимой, запредельной боли. Некоторые бились в диких конвульсиях на мокрых камнях, изо ртов у них шла пена. Другие просто застыли, превратившись в статуи с пустыми, остекленевшими взглядами, устремлёнными в никуда. Я выиграл время. Драгоценные, бесценные секунды.

Настала пора выпускать псов. Моих собственных, карманных Всадников Апокалипсиса.

Я активировал руну «Некроэмиссара». Воздух передо мной загустел, почернел, словно кто-то невидимый вылил в него ведро жидкой, вязкой ночи. Из ракового нароста тьмы на теле реальности, шагнула фигура. Описание Руны, сухое и лаконичное, не врало, но и не передавало и сотой доли всего кошмара. Человек в потрёпанной, покрытой вмятинами броне цвета ржавчины. Пустые глазницы, из которых сочился, словно нездоровый икор, тусклый фиолетовый свет. Огромный двуручный меч в мёртвых руках. Вот только роста в этом воине было под три метра. Это был мёртвый гигант, ходячий монумент смерти, надгробный камень, обретший волю.

Я ощутил чуждое ментальное давление. Холодное, древнее, как сама Вселенная, и полное безграничного, абсолютного презрения ко всему живому. К нашему теплу, к нашей суете, к нашему отчаянному цеплянию за жизнь. Это был не друг. И даже не враг. Это был инструмент. Опасный, как заряженное оружие с неисправным предохранителем, как скальпель в руках безумца.

Мои сомнения в его подчинении развеялись мгновенно. Некроэмиссар не стал ждать моих приказов, ибо его единственным приказом была сама смерть. Он сделал три гигантских, неторопливых шага, его меч со свистом, похожим на вздох голодного зверя, рассёк воздух и обрушился на тех, кто ещё толпился в дверном проёме. Клинок с омерзительной лёгкостью нанизал корчащегося в агонии дружинника, поднял его в воздух с небрежностью энтомолога, насаживающего на булавку редкое насекомое, и отшвырнул в сторону, как ненужный мусор.

Пока дружинники, оцепенев от ужаса, пытались прийти в себя и понять, с какой напастью свела их судьба, я призвал остальных. «Теневые Отродья». Две бесформенные маслянистые кляксы тьмы выскользнули из-под моих ног и бесшумно, как тени от летучих мышей, метнулись к врагам. Они проходили сквозь их тела, не встречая физического сопротивления, оставляя за собой леденящие душу вопли и высасывая из людей саму волю к жизни. Затем — «Теновой Страж». Высокая человеческая фигура без единой черты лица, сотканная из сгустившегося мрака и отчаяния.

Бой, если это кровавое побоище можно было так назвать, приобрёл черты трагического, абсурдного фарса. Некроэмиссар был молотом. Его чудовищный двуручный меч крушил доспехи и кости с одинаковой лёгкостью. Теневые твари проникали в самые уязвимые места, сея вокруг себя панику и тихую холодную смерть. И тут я увидел нечто новое, нечто, от чего даже у меня по спине пробежал холодок. Эмиссар, разmozжив очередному несчастному голову, лениво взмахнул свободной рукой. Несколько убитых им только что дружинников дёрнулись, заскрежетали зубами и с нечеловеческим, противоестественным усилием поднялись на ноги. Их мёртвые глаза ничего не выражали, в них был лишь холодный голод. Моя маленькая армия мёртвых начала расти, пополняясь за счёт врага. Система Восхождения услужливо определила их как «некротов». Они, пошатываясь и спотыкаясь, как пьяные, двинулись внутрь башни, неся смерть своим бывшим товарищам.

На остатках сознания, из последних, тающих, как снег на ладони, крупниц воли я отдал приказ. Отдал его не послушному зверю, а древней, чуждой, пропитанной вековым холодом небытия сущности, заточенной в Руны Некроэмиссара. «Взять Стража и Отродий под полный контроль. Сломить любое сопротивление в замке. Заключённых легионеров не трогать».

Я ощутил не обычное сопротивление, а настоящий ментальный удар в ответ. Холодный, высокомерный, полный презрения. Это было не похоже на управление мабланом, чей разум был прост и понятен, как у верного пса. Это не было похоже на ментальную узду, заброшенную на норовистого породистого цезаря или паразавра. Это не было похоже на ментальный контакт с Ушастым Попрыгуном. Нет. Это было всё равно, что пытаться сдвинуть голыми руками гранитную скалу, пытаться согнуть холодный железный лом силой одной лишь мысли. Но скала, к моему изумлению, поддалась. Со скрежетом, с неохотой, словно вековая гранитная глыба, она сдвинулась на толщину волоса, признавая мою власть.

Мой взгляд, уже подёрнутый предсмертной пеленой, зацепился за неиспользованную Руну из тёмного наследия Роршага. «Некротрансформация». И в этот момент идея, последняя, отчаянная и цепкая, пронзила туман в моей голове. Змеиная, еретическая мысль. А ведь в виде нежити я мог бы быть полезен... Вечно. Я мог бы пройти трансформацию в нежить и изучить некромантию... Роршаг ведь, скорее всего, далеко не сразу двинулся умом... Он держался... какое-то время...

Додумать я не успел. Отрава, словно безжалостный кондуктор моего последнего путешествия, дёрнула стоп-кран. И тьма с готовностью поглотила и меня.

Последним инстинктивным движением, уже на грани полного провала в небытие, я успел наложить на себя ещё одно «Исцеление» и активировать «Живую Плоть», прежде чем сознание окончательно уплыло, оставив тело пустой оболочкой. Ноги подкосились, словно стали ватными. Я тяжело рухнул на колени. Последнее, что я увидел перед тем, как занавес упал, — это серое, плачущее небо. И в этом небе, как спасительное видение, как призрак надежды в аду, неподвижно висел «Золотой Дрейк». Пожары на его борту были потушены. Он выстоял.

Значит, можно спокойно умирать. Друзья не погибнут из-за моих просчётов, они придут сюда и освободят наших людей.

Это самое важное.

401.

Мой измученный разум, отчаянно цепляясь за призрак спасения, совершил чудовищную ошибку. Я был мёртв и прошёл некротрансформацию до самого её логического, омерзительного конца. Сердца не было. То есть, оно, вероятно, находилось на своём законном месте в грудной клетке, но этот усталый, изношенный мускул молчал. Оно превратилось в бесполезный кусок остывшего мяса в ледяном склепе моего тела. Дыхание тоже отсутствовало. Лёгкие теперь были не более чем декорацией, ненужным рудиментом. Я был холодным, как камень, поднятый со дна зимней реки.

И я чувствовал голод. Нет, слово это, пошлое, человеческое, не годилось для описания той всепоглощающей пустоты, что зияла внутри меня. Это была жажда. Неутолимая, сосущая, сводящая с ума жажда Звёздной Крови — единственной субстанции во всей Вселенной, способной хоть на мгновение заполнить эту чёрную дыру в самой сути моего существа.

Мир представал передо мной в совершенно ином, отвратительном свете. Я видел его через призму смерти. Все живые существа мерцали, переливались зловещим, манящим светом. Их ауры, их жизненная сила казались мне самым изысканным лакомством, самым желанным нектаром. Я видел людей, животных, даже растения, и всё, чего я хотел — это вонзить в них свои мёртвые клыки, когти, пальцы и пить, пить, пить до тех пор, пока их тёплый, трепетный огонёк не погаснет навсегда.

Часть меня, тот прежний Кир, что ещё где-то бился в агонии на самом дне холодного разума, кричала в беззвучном ужасе. Она пыталась остановить это чудовище, заставить его замереть. Но моя новая, некромантская сущность требовала подчинения. Она требовала поглощения. Она была голодом, облечённым в форму моего тела.

Наконец я понял, что стою над чьим-то телом. Я видел Лину и с отвращением понял, что это она. Её аура мерцала особенно ярко, она была словно ослепительный и манящий луч маяка в океане серой, скучной жизни. И я чувствовал, как мои мёртвые, негнущиеся пальцы, против воли того, кем я был раньше, медленно и неотвратимо тянутся к её тонкой, незащитной шее.

Сны, как известно, бывают разные. Бывают лёгкие, как пух одуванчика, бывают тягостные, как долговая расписка. Но тот сон, что пришёл ко мне в беспамятстве, не подходил ни под одно из этих определений. Это был не сон. Это был кошмарный приговор. Резкий, рваный вдох вышвырнул меня из ледяных объятий сна. Сердце, то самое, что молчало в кошмаре, теперь колотилось о рёбра, как обезумевшая птица в клетке. Пот лил градом, смешиваясь со слезами облегчения и ужаса. Но вокруг меня был не знакомый до последней заклёпки интерьер «Золотого Дрейка». Это было нечто совершенно иное.

Просторная комната с непомерно высокими потолками. Стены были увешаны тяжёлыми, выцветшими от времени гобеленами, изображавшими сцены охоты на диких животных. Я лежал совершенно раздетый на исполинском ложе с балдахином, которое по своей площади больше напоминало кубрик на десантном боте, чем место для отдыха одного человека. Зрение плыло, и в полумраке комнаты, освещённой лишь тусклым светом, пробивающимся сквозь щели в тяжёлых ставнях, я различил девичий силуэт. Рядом на кровати сидела девушка со светлыми, как спелая пшеница, волосами, убранными в простой хвост. На ней было лёгкое, светлое платье.

Зрение всё ещё плыло, отказываясь фокусироваться, и в полумраке комнаты, в этом странном, пограничном состоянии между кошмаром и явью, её черты на мгновение сложились в самый дорогой и самый болезненный для меня образ. Образ моей погибшей жены, Светланы. И с губ, прежде чем я успел осознать это, сорвались слова:

— Света... Ты здесь?

Девушка наклонилась ближе, и я увидел, что её лицо полно искреннего, неподдельного беспокойства.

— Хорошо, что вы очнулись, Кир. Мы все за вас так переживали, — произнесла она мягким, успокаивающим голосом.

И туман в моей голове начал рассеиваться. Я узнал её. Это была Лина — та самая колонистка, которую мы спасли из рабства у Кееса ван дер Баса.

— У меня не было шанса вас поблагодарить. Я вызвалась побыть вашей сиделкой. Как я переживала! Чувствуете как бьётся сердце?

Она осторожно взяла мою руку в свои и прижала к своей груди. Я почувствовал ровный, тёплый стук, тепло её живой, юной плоти. И в этот момент, на контрасте с ледяной тишиной моего кошмара, между нами возникла искра. Не страсти. Для этого меня всё ещё изрядно штормило. Искра хрупкой, почти отчаянной эмоциональной близости. Момент, когда жгучая боль утраты и ледяное одиночество на мгновение отступили перед простым, бесхитростным теплом живого человеческого контакта.

В комнату бесшумно, как тень, вошла Ам'Нир'Юн. Она остановилась в дверном проёме, скрестив руки на груди, и некоторое время молча наблюдала за нами с холодным, почти клиническим интересом. Её глаза, обычно такие живые и выразительные, сейчас казались двумя осколками аметиста, замороженными в лёд. Наконец, она нарушила тишину, и её голос прозвучал ровно и бесстрастно, словно она зачитывала отчёт:

— Хорошо, что ты пришёл в себя. И удачно, что теперь есть кому присмотреть за раненым...

Лина отпустила меня и слезла с кровати, прихватив таз и мокрое полотенце, лежавшее у меня на лбу.

Я попытался что-то сказать, что-то объяснить. Что это не то, о чём она подумала, что прикосновение Лины было лишь якорем, вытащившим меня из кошмара... Слова застревали в горле, жалкие, неуклюжие, как птенцы, выпавшие из гнезда. Но Ами прервала моё лепетание ровным, лишённым всяких эмоций голосом, холодным и острым, как хирургический инструмент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.